



Даниэла Стил
Пегас
Серия «Даниэла (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17047045

Пегас: [роман] : АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-089425-3

Аннотация

История двух аристократических семей, оказавшихся в пекле Второй мировой войны. Жестокая действительность беспощадно вторглась в жизнь фон Хеммерлей и фон Бингенов, навеки разлучив детей с родителями, лишив крова и родины, всего, что было так дорого сердцу, – однако ничто не смогло сломить их гордый, свободолюбивый дух, убить жажду жизни и любви, растоптать их честность и человечность. Страх, смертельная опасность, скитания по миру, горечь утрат – трудно представить себе беды и страдания, которые выпали на долю благородного Николаса фон Бингена и нежной, женственной Марианны фон Хеммерле. Однако надежда на лучшее давала им силы, даже когда, казалось бы, все уже было потеряно... но пока в сердцах царит любовь, в них нет места унынию!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	33
Глава 6	36
Глава 7	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Даниэла Стил

Пегас

Роман

Danielle Steel

Pegasus

© Danielle Steel, 2013

© Перевод. Т. А. Осина, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Посвящаю своим любимым детям.

*Битти, Тревор, Тодд, Ник, Сэм, Виктория, Ванесса, Макс и Зара
– эта книга для вас.*

Посвящаю истории, магии, стремлению к новой жизни.

*Посвящаю Пегасу в душе каждого; пусть крылатый конь несет
вас вперед, к новым дерзким свершениям. Доверьтесь вдохновению и
смело шагайте вперед.*

Люблю вас. Мама.

Глава 1

В сгустившихся сумерках конюхи услышали, как приближаются лошади. Стук копыт доносился издали подобно раскатам грома, так что непосвященный вряд ли догадался бы, что означает глухой, упрямо нарастающий шум. Всадники возвращались с охоты, и уже через несколько минут послышались голоса, смех и конское ржание. Когда же отряд въехал во двор поместья Шлосс-Альтенберг и направился к конюшне, стало ясно, что охота удалась на славу и настроение у всех отличное. Один из всадников с гордостью рассказал, что собаки загнали лису. Возбужденные долгой скачкой и октябрьским холодом лошади никак не могли успокоиться и не желали стоять на месте. Мужчины в алых куртках, белых бриджах и высоких черных сапогах картинно спешили, бросили поводья подбежавшим конюхам и помогли спуститься нескольким дамам. Все они элегантно сидели в боковых седлах – положение, крайне неудобное на охоте. Всадники уже много лет выезжали вместе: их объединяла страсть к лошадям и верховым прогулкам.

Алекс фон Хеммерле считался одним из лучших наездников в графстве и с ранней юности разводил необыкновенных лошадей. Вся его жизнь, как и жизнь остальных участников охоты, подчинялась традиционному укладу и давным-давно заведенному порядку. Ни новичков, ни случайных людей здесь не было и быть не могло. Старинные семьи столетиями жили в фамильных поместьях, часто навещали друг друга, преданно следовали строгим ритуалам и правилам, женили сыновей, выдавали замуж дочерей, занимались хозяйством и заботливо возделывали землю. Как и многие поколения предков, начиная с далекого четырнадцатого века, Алекс родился и вырос в Шлосс-Альтенберге. На каждое Рождество он устраивал лучший в графстве бал – точно так же, как это делали отец, дед, прадед и прапрадед, – и из года в год вся округа с нетерпением ждала радостного события. В прошлом году его дочери Марианне исполнилось шестнадцать, и она впервые взяла на себя почетную и ответственную роль хозяйки.

От матери девушка в полной мере унаследовала точеные черты лица и удивительную красоту. Высокая, с почти прозрачной, как драгоценный фарфор, кожей, пышными светлыми волосами и ярко-синими отцовскими глазами, она снискала славу одной из признанных красавиц округи и почетный титул непревзойденной наездницы. Алекс посадил дочку на лошадь прежде, чем малышка научилась ходить, и с тех пор она не пропустила ни одной охоты. Сегодня, однако, отец заставил Марианну остаться дома из-за сильной простуды, чем вызвал крайнее неудовольствие. Несмотря на хрупкую красоту, девушка отличалась завидной выносливостью в отличие от болезненной матери, которая скончалась от инфекции и потери крови на следующий день после рождения дочери. Смерть в родах не считалась явлением из ряда вон выходящим, однако Алекс так и не смог оправиться от потери любимой супруги: с тех пор ни одной женщине не удалось завоевать его сердце и занять в жизни сколько-нибудь важное место. Несмотря на кратковременные связи, никого, кроме дочери, он не любил и, вполне примирившись с участью холостяка, не имел ни малейшего желания жениться вновь. Их с Аннализой связывало дальней родство и детская влюбленность, хотя Алекс был несколькими годами старше. Конечно, он никак не ожидал, что в тридцать лет овдовеет, однако сейчас, спустя семнадцать лет, дочь и друзья без остатка заполняли его жизнь, а при знакомстве с женщинами он сразу предупреждал, что к долговременным, а тем более постоянным отношениям не готов.

Управление обширным поместьем требовало внимания и терпения, а разведение лошадей липицианской породы, которыми он безмерно гордился, наполняло жизнь почти так же, как воспитание дочери, причем Марианна в полной мере разделяла страсть отца. Она обожала жеребят и с удовольствием наблюдала за сложным процессом их обучения. Бело-

снежные липицианы из поместья Шлосс-Альтенберг слыли самыми умными, послушными и податливыми в работе, а чистота их крови не вызывала сомнений. Алекс строго выбирал для спаривания лучших жеребцов и кобыл, причем с раннего детства объяснял дочке все тонкости развития и совершенствования породы.

Вместе с отцом Марианна часто бывала в Вене, в Испанской школе верховой езды, где с восхищением смотрела, как танцуют, выполняя сложнейшие па, элегантные лошади, и мысленно сравнивала их грациозные движения с высоким искусством балета. Затаив дыхание, следила, как липицианы гарцуют в каприолях и курбетах, легко взлетают в крупадах, поджав все четыре ноги. Алекс тоже любил эти спектакли и даже обучал сложным трюкам некоторых из своих лошадей. Марианна мечтала стать наездницей и знала, что обладает всеми необходимыми качествами, однако Испанская школа верховой езды женщин не принимала и, как строго сказал отец, принимать не собиралась. Приходилось довольствоваться малым: любоваться безупречными животными и помогать отцу их воспитывать. Иногда Алекс позволял прокатиться на ком-нибудь из своих питомцев; правда, подобное счастье выпадало редко. Зато на арабских лошадях можно было ездить сколько угодно. Марианна обладала врожденным умением свободно и уверенно держаться в седле. К тому же выросла она рядом с лучшими в Германии лошадьми, впитала все, чему учил отец, и унаследовала любовь к прекрасным животным.

– Что ж, можно смело сказать, что сегодня охота удалась на славу, – умиротворенно заметил Алекс и вместе с лучшим другом Николасом фон Бингеном проехал по двору, заполненному оживленно беседующими всадниками. После долгой скачки никто никуда не спешил. К вечеру заметно похолодало, земля стала твердой, однако ничто не могло остановить любителей погони, так как у всех были отличные лошади – пусть и не такие, как у хозяина замка. Николас сидел верхом на великолепном арабском жеребце, которого великодушно уступил друг.

– С удовольствием его куплю, – заметил фон Бинген, и Алекс рассмеялся.

– Не продается. К тому же этого коня я обещал Марианне; вот только надо еще немного с ним поработать: чересчур своеволен.

– А мне и такой в самый раз, – весело возразил Николас. – К тому же для нее этот жеребец слишком велик. – Он любил ощущать собственную силу и власть над животным.

– Только не говори этого ей, – предупредил Алекс и широко улыбнулся. Марианна не стерпела бы подобного оскорбления; к тому же отец вовсе не был уверен, что друг прав. Дочка ездила верхом намного лучше Николаса, хотя Алекс никогда не осмелился бы открыть ему правду. Фон Бингену порой мешала излишняя горячность, в то время как Марианна обладала нежными и в то же время крепкими руками. Алекс сам учил дочку, и результаты превзошли самые смелые ожидания.

– Кстати, почему ее сегодня с нами не было? – поинтересовался Николас. – Что-то не припомню, чтобы девочка когда-нибудь пропускала охоту. – Марианна давно стала своей среди друзей отца и заслужила всеобщую симпатию.

– Заболела. Пришлось едва ли не привязать к кровати, чтобы удержать дома. Ты прав, до сих пор охоту она еще ни разу не пропускала, – озабоченно пояснил Алекс.

– Надеюсь, ничего серьезного. – В глазах Николаса мелькнула тревога.

– Простуда и высокая температура. Вчера вечером приезжал доктор: я опасался, как бы не пострадали легкие, а он предписал постельный режим. Мое слово для нее не закон, да и доктора она вряд ли послушалась бы, но, кажется, чувствует себя хуже, чем готова признать. Утром, когда я уходил, еще спала, что совсем на нее не похоже.

– А сегодня доктор приедет? – уточил Николас. У него сложились особые отношения с гриппом: пять лет назад лютой зимой, во время эпидемии этой коварной болезни, умерли его жена и четырехлетняя дочка. Он с трудом пережил потерю и, подобно Алексу, так и

остался вдовцом – правда, в отличие от друга, с двумя сыновьями – Тобиасом и Лукасом. Когда умерли мать и сестра, Тобиасу исполнилось десять, и он помнил обеих, а вот шестилетний Лукас был совсем еще маленьким. Сейчас спокойный, мягкий Тобиас боготворил Марианну, которая была на два года старше, а живой, озорной Лукас радовался жизни и чувствовал себя прекрасно в любом месте, особенно на спине лошади. Тобиас унаследовал нежную натуру матери, в то время как Лукасу достались огненная энергия и жизненная сила отца. В молодости Николас то и дело попадал в самые невероятные переделки, да и сейчас еще то и дело давал повод для острых обсуждений, будь то очередной бурный роман, причем порой даже с замужней женщиной, или очередное безумное пари – обычно касающееся бешеной скачки верхом. Наездником он был великолепным, хотя и не обладал непревзойденным искусством Алекса фон Хеммерле. Ему никогда не хватало терпения выдрессировать лошадь так, как это делал друг – при том, что он искренне восхищался липицианами Алекса и его уверенным мастерством в сложной науке выездки. Прежде чем отправить животных в Вену, в Испанскую школу верховой езды, фон Хеммерле давал им крепкую основу исполнения удивительных фигур, заслуживших признание у строгих профессионалов и славу у благодарных зрителей.

– Можешь уделить мне минуту? – спросил хозяин, проходя мимо конюшни. Гости уже начали разъезжаться и, садясь в машины, желали друг другу приятного вечера.

– Никуда не спешу, – с небрежной улыбкой ответил Николас и вслед за Алексом свернул к конюшне. Они дружили с детства, хотя Хеммерле был на два года старше, и даже вместе учились в Англии, в частной закрытой школе. Алекс занимался серьезно, в то время как Николас предпочитал приятно проводить время. Впрочем, с тех пор практически ничего не изменилось: он и сейчас от души наслаждался жизнью, при этом оставаясь отличным другом и хорошим отцом, если не считать отдельных проявлений безответственности. Вдовство лишь слегка омрачило его жизнерадостный нрав, а управление поместьем пока не требовало усилий: дело в том, что отец, граф Пауль фон Бинген, пребывал в добром здравии и самостоятельно справлялся с хозяйством. В результате Николас свободно располагал своим временем – в отличие от друга, которому уже в двадцать лет, после смерти отца, пришлось заняться и поместьем, и финансовыми вопросами. В результате Николас до сих пор вел себя словно мальчишка, а Алекс вот уже два десятилетия ощущал себя взрослым, обремененным ответственностью человеком. Друзья удачно дополняли друг друга и со временем стали почти братьями.

Алекс открыл тяжелую дверь конюшни и подвел приятеля к безупречно чистому стойлу, где белоснежная кобыла липицианской породы кормила новорожденного жеребенка. Черный, как уголек, малыш нетвердо держался на тонких ножках. Николас давно знал, что липицианы появляются на свет темно-коричневыми или вороными, так что резкий контраст цветов вовсе не показался ему странным. Прежде чем молодая лошадь посветлеет, должно пройти пять-шесть лет, а полная выездка, как правило, занимает не меньше десятилетия. Четыре года жеребенок проведет дома, а потом отправится на учебу в Вену. Долгий и сложный процесс воспитания настоящего липициана требует знаний, терпения и преданности.

– Хорош, правда? – гордо спросил Алекс. – Пожалуй, лучше еще не бывало. Родился от Плуто (Николас знал, что это лучший жеребец-производитель). Да и мамочка Петра отлично справилась. Уже мечтаю, как буду его тренировать. – Радовался он так, как отец радуется рождению сына.

– Замечательно, – искренне похвалил Николас, и друзья вышли из амбара. Алекс с удовольствием пригласил бы его остаться к столу, однако решил этого не делать: хотелось пообедать вместе с Марианной в ее комнате.

– Может быть, прокатишься завтра со мной до северной границы поместья? – предложил он. – Подумываю заняться чисткой леса, так что не мешало бы взглянуть. Выедем пораньше, чтобы вернуться к ланчу.

– Был бы рад, – с сожалением ответил фон Бинген и остановился возле своего «дюзенберга». Вообще-то он больше любил «бугатти», но сегодня выбрал более респектабельный вариант. – Увы, не могу. Должен встретиться с отцом: старик вдруг решил серьезно поговорить. Ума не приложу, в чем дело. Давно уже не делал ничего такого, что могло бы вызвать раздражение. – Оба рассмеялись. Отца и сына связывали самые теплые отношения, хотя старший фон Бинген нередко отчитывал младшего, прослышав о скандальной интрижке, бешеной скачке или безумной гонке на автомобиле. Помимо этого, Пауль фон Бинген постоянно пытался вовлечь сына в управление поместьем, и сейчас Николас подозревал, что разговор вновь пойдет об этом.

– Боюсь, папочка попытается взвалить на меня руководство фермами. Ужасная работа.

– Рано или поздно все равно придется взяться за дело, так почему бы не начать уже сейчас? – рассудительно заметил Алекс.

На их землях до сих пор жили крестьяне, прежде считавшиеся слугами, а теперь арендовавшие свои фермы у хозяев поместий. Устоявшийся порядок представлял собой неотъемлемую часть государственной системы, а традиционный жизненный уклад оформился много лет назад. Сельская идиллия защищала от бурных событий современного мира и позволяла вести спокойное, едва ли не безмятежное существование вдали от шумных тревожных городов. Первая мировая война и последующая депрессия ввергли Германию в хаос. С приходом к власти Гитлера экономика страны наладилась, однако проблемы не исчезли. Гитлер пытался вернуть соотечественникам чувство национальной гордости, но ни его пламенные речи, ни полные лихорадочного патриотизма митинги не радовали независимо мыслящих немцев. Алекс считал фюрера смутьяном, наотрез отказывался принимать его идеи, а объявленную в марте аннексию Австрии воспринимал как опасное проявление неумеренных амбиций. И все же среди покоя полей и лесов Баварии суэта Гитлера казалась чем-то далеким и почти ненастоящим. Ничто не могло изменить веками устоявшегося уклада. Как жили люди с незапамятных времен, так и будут жить еще много-много лет, занимаясь все теми же вечными делами. Бури внешнего мира не проникали в благословенную тишину, и друзья утешались мыслью о том, что их дети, внуки и правнуки обретут на цветущей земле надежный и уютный дом.

Молодые графы фон Хеммерле и фон Бинген с детства воспитывались таким образом, чтобы стать аристократами и украшать германскую землю своим присутствием. Судьба наградила обоих щедрым состоянием, о котором они никогда не говорили и редко задумывались. Огромные поместья, трудолюбивые арендаторы и преданные слуги гарантировали и им самим, и их потомкам безмятежную, защищенную от любых неприятностей жизнь.

– Понятия не имею, зачем браться за хозяйство уже сейчас, – поморщился Николас, засовывая в «дюзенберг» длинные ноги, и недовольно взглянул на друга. – Отец проживет еще тридцать лет, если не больше, и прекрасно справится без моего участия. – Он криво улыбнулся. Так с какой же стати встречать? Лучше заняться чем-нибудь другим. Например, завтра с утра поехать в лес вместе с тобой. Но ничего не выйдет: если хотя бы не сделаю вид, что слушаю отеческие наставления, старик ужасно расстроится. – Николас давным-давно знал наизусть все доводы старого графа.

– Бездельник, – насмешливо заметил Алекс, хотя и понимал, что на самом деле друг куда серьезнее и надежнее, чем хочет казаться. Николас искренне любил сыновей и не жалел средств на помощь арендаторам: например, на собственные деньги отремонтировал обветшавшие дома. Он заботился о людях, но в то же время не хотел брать на себя ответственность за земли и фермы: считал сельское хозяйство делом невыносимо скучным и стара-

тельно убеждал себя, что отцу эта работа доставляет удовольствие. Да, фон Бингена всецело занимала помощь тем, кому в жизни повезло меньше, чем ему. Но, разумеется, на первом месте для него всегда оставались Тобиас и Лукас – со своими мальчишками он проводил не меньше времени, чем Алекс с любимой дочерью. Преданность детям и веками устоявшимся семейным ценностям скрепляла дружбу.

– Прости за то, что не смогу составить тебе компанию, – извинился Николас, заводя мотор. – Обещаю приехать после ланча и посмотреть, как будешь тренировать своего жеребца. – Вот уже несколько месяцев он с живым интересом наблюдал за процессом обучения молодого липициана и не уставал восхищаться терпением и мастерством друга.

– Впереди еще немало работы, – покачал головой Алекс. – Обещал уже в январе отдать его в венскую школу. Возраст подходящий, но боюсь, что он еще не совсем готов. – Четырехгодовалый жеребец проявлял буйный нрав, так что скучать во время занятий не приходилось. Впрочем, великолепный липициан был прекрасен уже сейчас для всех, кроме хозяина. Алекс фон Хеммерле отличался редким стремлением к совершенству и мало когда оставался довольным результатами работы.

– Что ж, приезжай, когда сможешь, – ответил он и помахал на прощание. Николас вырлил со двора и направился в свое поместье, а Алекс повернулся к дому, чтобы навестить дочь и узнать, как она себя чувствует.

Марианна лежала в постели с книжкой в руках и заметно скучала. Хотя температура еще не спала окончательно, чувствовала она себя намного лучше, чем накануне вечером. Отец бережно прикоснулся ладонью ко лбу и с облегчением ощутил, что жар ослаб. Вот только глаза все еще оставались тусклыми, а нос по-прежнему был красным и распухшим.

– Как себя чувствуешь? – заботливо спросил Алекс и присел на край кровати.

– Ужасно. Оттого, что весь день лежу без дела. Весело было на охоте? Загнали лису? – Глаза Марианны засветились интересом: она завидовала всем, кто проводил время с интересом и пользой.

– Конечно. Без тебя было скучновато, но я все равно рад, что ты осталась дома. Сегодня очень холодно; скорее всего, зима выдаться суровой.

– Хорошо. Люблю, когда идет снег. – Встреча с отцом порадовала Марианну. – Тоби приходил меня навестить. – О старшем сыне Николаса она упомянула с симпатией. Юноша влюбился в белокурую красавицу еще в детстве и не скрывал обожания, но Марианна относилась к нему, как к младшему брату. Ну а Тобиас с нетерпением ждал того времени, когда наконец-то сможет ухаживать открыто, заставит всерьез обратить на себя внимание и добьется взаимности. Марианна это понимала и твердо знала, что такой день никогда не настанет. – Только не говори его отцу, что он здесь был: ты же знаешь, как Николас относится к болезням. – Потеряв в эпидемии гриппа жену и дочь, фон Бинген страшно боялся инфекции и чрезмерно оберегал сыновей. – Мы играли в шахматы, и я победила, – с гордостью добавила Марианна. Отец нежно улыбнулся.

– Постарайся его не обижать. Для парня на тебе свет клином сошелся.

– Все оттого, что других девушек он не знает. – Марианна понятия не имела ни о своей красоте, ни о том впечатлении, которое производила на мужчин. Вот уже несколько лет молодые люди и даже их отцы смотрели на нее с восхищением и плохо скрытым вожделением. Алекса радовало то обстоятельство, что дочка словно не замечала этих взглядов и собственного бурного успеха. Лошади интересовали ее несравнимо больше, чем поклонники, а время она предпочитала проводить с отцом. Девочка до сих пор сохранила трогательную детскую невинность, от которой таяло сердце. Алекс с трудом представлял, как будет жить, если однажды Марианна выйдет замуж и покинет родной дом. Утешало одно: далеко она не уедет.

Графиня фон Хеммерле училась в школе вместе с детьми из других благородных семейств, однако не имела ни малейшего желания поступать в университет – особенно сейчас, когда в больших и даже не очень больших городах стало неспокойно. В свое время отец Алекса настоял, чтобы сын отправился учиться в Гейдельберг; получив диплом, он с радостью вернулся домой, в самый прекрасный на свете край. К счастью, Марианна разделяла патриотизм отца. Порою Алекса мучило чувство вины за то, что дочка лишается иной, яркой и блестящей жизни, но, с другой стороны, в тревожные времена надежнее и безопаснее держать девочку при себе.

– Можно мне пообедать вместе с тобой внизу, папа? – спросила Марианна и попыталась встать, однако Алекс взглянул на ее бледное лицо и строго покачал головой.

– Нет, ты еще слишком слаба. К тому же внизу сквозняки. Я распорядился подать подносы сюда. Марта принесет через несколько минут. Как только поправишься, пойдем смотреть новорожденного жеребенка. Просто чудо! Даже красивее отца. Сегодня после охоты показал его Николасу. А завтра, если будешь хорошо себя чувствовать, разрешу понаблюдать за тренировкой Плуто: он делает успехи. – Алекс подробно рассказал о ходе занятий, а едва закончил, Марианна со вздохом откинулась на подушки. Кажется, состояние больной на самом деле было хуже, чем она пыталась показать. Алекс мысленно похвалил себя за то, что проявил характер и не взял дочку на охоту: скакать верхом на холоде было бы настоящим безумством, однако у Марианны хватило бы упрямства попробовать.

Экономка и лакей принесли подносы с обедом. Отец разрешил дочке закутаться в одеяло и сесть в кресло возле камина, а сам начал рассказывать о недавней охоте. Увы, даже столь незначительное усилие утомило Марианну, и сразу после обеда она вернулась в постель; впрочем, когда Алекс поцеловал дочь на прощание, лоб оказался прохладным.

– Спокойной ночи, мой ангел, – с улыбкой произнес он, глядя в небесно-голубые глаза.

– Ни у кого больше нет такого замечательно отца, – ответила Марианна. – Я самая счастливая дочка на свете.

Сердце Алекса растаяло: он испытывал к дочери такое же восторженное чувство. В эту минуту Марианна вспомнила, о чем хотела рассказать за обедом, но забыла.

– Сегодня слушала радио. В Берлине прошел какой-то странный парад. Солдаты маршировали строем и пели песни, как будто на войне. А потом фюрер произнес речь и обратился ко всем с требованием присягнуть на верность Третьему рейху. Мне вдруг стало очень страшно... как по-твоему, папа, может начаться война? – Вопрос прозвучал по-детски наивно. Гитлер не уставал повторять, что оккупация Австрии позволит избежать войны, что аннексия разрешит все противоречия.

– Нет, не думаю, – успокоил Алекс, хотя знал, что два месяца назад в стране прошла мобилизация. – Полагаю, положение не настолько опасное, как кажется. К тому же здесь, в самом сердце Баварии, нас не коснутся никакие неприятные события. Спи спокойно, дорогая. Сладких тебе снов. Постарайся проснуться здоровой. Но в школу лучше несколько дней не ходить; пока ограничимся конюшней.

Марианна улыбнулась: слова отца развеяли страх, успокоили, вселили надежду на продолжение счастливой жизни. А днем, когда фюрер кричал по радио, вдруг показалось, что случится что-то ужасное, что весь мир неизбежно изменится. Да, именно так Гитлер и заявил. Очень хотелось верить, что прав не он, а папа. Вождь должен говорить такие слова, чтобы взбодрить и вдохновить массы, а с их домом ничего плохого никогда не случится. Погружаясь в сон, Марианна думала о предстоящем рождественском бале, о веселье и радости. До праздника оставалось всего два месяца, так что пришла пора начать приготовления. Тобиас рассказал, что в этом году впервые примет участие во взрослом празднике и ему даже купят фрак и цилиндр. Очень смешно. Он, конечно, красивый мальчик, но все равно еще совсем маленький. Да и сама Марианна не чувствовала себя взрослой. Мысли как-то неза-

метно скользнули к черному жеребенку: она помнила, как впервые увидела новорожденного липициана и поразилась, что он не светлый, а вороной. Но потом малыш вырос и превратился в роскошное белоснежное создание – точно такое же, как другие, парящие в воздушном танце. С мыслью о восхитительных лошадях Марианна уснула: волшебные существа жили в безупречно-прекрасном мире, где ничто плохое не могло нарушить счастливое течение дней; где, как пообещал папа, она навсегда останется в безопасности.

Глава 2

Утром Николас сел в ярко-синий «бугатти» и поехал в большой особняк в дальней части поместья, куда старший фон Бинген переселился после свадьбы сына: семейный замок он уступил молодым, считая, что так будет правильнее. Уже тогда он начал убеждать Николаса принять руководство хозяйством; попытки продолжались и по сей день, однако успеха не имели. Молодой граф ограничивал свою деятельность посещением арендаторов, встречами с друзьями и воспитанием сыновей. Последнее занятие он считал полноценной работой, потому что мальчики росли без матери. Пауль фон Бинген одобрял заботу о детях, однако считал необходимым, чтобы сын больше интересовался землей и готовился принять бразды правления. Сам же Николас в свои сорок три года чувствовал себя совсем молодым и верил, что его час пробьет еще очень не скоро. Отцу исполнилось шестьдесят пять; он тоже всегда выглядел моложе своих лет. Пауль фон Бинген и сейчас оставался красивым, полным жизненных сил мужчиной, однако сегодня он выглядел неважно. Войдя в библиотеку и устроившись в кресле возле стола, Николас заметил, что отец бледен, утомлен и хмур.

– Хорошо себя чувствуешь? – с тревогой спросил он.

– Да, – коротко ответил Пауль. Мрачно взглянул на сына, встал и закрыл дверь. Судя по выражению лица, отец готовился к серьезному разговору, возможно, даже к нотации. Эх, куда интереснее было бы прокатиться верхом вместе с Алексом! А теперь вот предстояло скучать. Но ничего не поделаешь: время от времени приходилось выслушивать лекции на тему ответственности, чувства долга и обязательств, налагаемых богатством и наследием предков. Основные положения и аргументы проповеди Николас давно знал наизусть, так что сейчас собирался с духом, чтобы услышать очередное повторение. Отец вернулся за стол, однако начинать не спешил: молчал, словно взвешивая слова, что вовсе на него не походило. Как правило, он сразу бросался в атаку и начинал уверенно излагать отлично отрепетированный перечень обязанностей и запретов. Вот уже двадцать лет Николас покорно выслушивал неизбежный монолог и сейчас терпеливо ждал начала.

– Хочу рассказать тебе о том, о чем еще ни разу в жизни не упоминал, – сдержанно заговорил Пауль, и сын взглянул с удивлением. Кажется, предстояло что-то новое. Но что же?

– В молодости я во многом походил на тебя. А если честно признаться, вел себя еще более необузданно. Ты питаешь слабость к хорошеньким женщинам и быстрым машинам, и в этом нет ничего плохого. К тому же ты замечательный отец и любящий сын.

– Это ты замечательный отец, папа, – смущенно перебил Николас. – И с необыкновенным терпением относишься к моему нежеланию заниматься хозяйством. Дело в том, что у тебя это получается просто гениально, и было бы стыдно испортить все, что ты успел сделать.

В ответ Пауль лишь холодно улыбнулся. Да, сегодня что-то явно изменилось к худшему. В его настроении ощущалась пугающая печаль. Только бы не болезнь! Тревога лишь усилилась, когда отец задумался, подыскивая нужные слова.

– Что-то случилось? – прямо спросил Николас, но отец не ответил, что также показалось странным.

– В двадцать один год, – заговорил Пауль, не глядя на сына, – я встретил твою мать. В двадцать два появился на свет ты. Она была очень молода и необыкновенно хороша собой. Ты унаследовал ее глаза, хотя на этом сходство заканчивается.

Николас знал, что, если не считать темных волос, в точности похож на деда фон Бингена.

– Девушка выглядела поистине экзотически, и мне казалось, что мы с ней ровесники. Летом, когда делать было нечего, разыгрался бурный роман, и результат не заставил себя ждать. Уже потом я узнал, что соблазнил пятнадцатилетнюю девочку, а в шестнадцать появился на свет ты. Стоит ли говорить, что отец и мать в восторг не пришли – особенно после того, как узнали, кто ее родители. Отец оказался одним из наших арендаторов; точнее, не он сам, а его родственник. Семейство приехало на лето из города, чтобы помочь в работе на ферме: вот почему раньше я красавицу не видел. А в первую же встречу влюбился без памяти. Арендаторы прежде считались нашими слугами, и это обстоятельство особенно раздражало отца. Я же настаивал на своем чувстве, причем искренне. Наверное, никто в этом возрасте не понимает, что такое любовь, к каким неожиданным последствиям и непредвиденным осложнениям она способна привести. Когда возлюбленная сообщила о беременности, я поступил так, как считал правильным: женился на ней в часовне нашего поместья, к колоссальному недовольству родителей. Мой отец, твой дед, заключил договор с ее отцом: никто не должен был узнать о нашей свадьбе, а сразу после рождения ребенка предстоял развод. Знакомый юрист согласился расторгнуть скоропалительный брак в Мюнхене. А главное, супруга пообещала сразу отдать младенца.

Я на целый год уехал в Испанию и Италию, где чудесно провел время, хотя и ощущал некоторые угрызения совести. Сразу после твоего рождения состоялся тайный развод, ее семья вернулась в город, а твой дед выкупил ферму у родственников за очень хорошую цену. После двух столетий жизни на нашей земле те почувствовали себя опозоренными и с радостью покинули местность. К моему возвращению из путешествия была заготовлена красивая легенда: якобы в Италии я женился на молодой графине, а она родила тебя и умерла от послеродовой горячки: в те времена подобный исход вовсе не считался необычным. Таким образом, после возвращения ты появился вместе со мной. В правдивости истории никто не усомнился, зато все мне сочувствовали. Еще бы! Молодой вдовец, да еще и с ребенком на руках! Бабушка с дедушкой помогали тебя растить; круг посвященных в тайну ограничивался моими родителями, семьей твоей матери, венчавшим нас священником и няней, которая о тебе заботилась. Ни один из этих людей не проронил ни слова. Твою мать я больше никогда не видел, за что до сих пор себя виню. Но я едва ее знал, а ты стал плодом необузданного юношеского вожделения и скоротечного летнего флирта. Единственный человек на свете, кого я по-настоящему любил и люблю, – это ты. Отцовское чувство проснулось мгновенно; ни разу в жизни я не пожалел о твоём появлении на свет. Вскоре возникло и понимание ответственности. По-моему, это хорошо, так как родители умерли довольно рано, и мне волей-неволей пришлось учиться всему, чему ты не пожелал научиться до сих пор. А у меня выбора не было: предстояло воспитывать сына и управлять поместьем, чтобы в должный час передать ему хозяйство в должном виде.

Пауль фон Бинген говорил с трудом: признание давалось ему нелегко. Николас не мог понять одного: что заставило отца раскрыть тайну именно сейчас. Он попытался проанализировать все, что только что услышал, и просчитать возможные последствия. Самым болезненным ударом оказалось известие, что мать, о которой всегда говорили, что она умерла в родах, на самом деле не умерла. А вот тот факт, что она была не итальянской аристократкой, а девушкой с фермы или городской родственницей крестьянина-арендатора, вовсе не волновал. Скорее всего, жизнь ее продолжалась и по сей день, особенно если учесть, что он родился, когда ей исполнилось всего шестнадцать лет.

– Хочешь сказать, что все это время мама была жива? Но почему ты вдруг решил об этом сообщить?

– Потому что пришла пора. У меня не было иного выбора, кроме как рассказать правду. Жива ли она до сих пор, не знаю, хотя полагаю, что пребывает в добром здравии: пятьдесят девять лет – не так уж много. Ей было приказано никогда нас не беспокоить, и она сдержала

обещание, потому что была приличной девушкой. Понятия не имею, куда уехала семья, но думаю, что это можно выяснить. Очень жаль, что пришлось обо всем тебе рассказать; никогда не предполагал, что буду вынужден открыть тайну.

Замечая следы, Пауль фон Бинген даже придумал версию о том, что семья жены обвинила его в смерти дочери и не пожелала видеть ни его самого, ни ребенка. Этим он объяснил отсутствие родственников со стороны матери. Впрочем, Николас никогда не чувствовал себя сиротой. Отсутствие материнской заботы восполнялось любовью и вниманием бабушки и дедушки, а главное, бесконечной преданностью отца, который в сыне души не чаял. Пауль больше не женился, и сейчас Николас спрашивал себя почему: ведь он не оплакивал смерть любимой супруги. Должно быть, первый опыт оказался настолько тяжким и болезненным, что навсегда отбил охоту к прочным отношениям. Впрочем, это не помешало отцу пережить несколько бурных романов, ни один из которых так и не привел к венцу. Он всегда говорил, что его семья – это сын, и больше ему никто не нужен.

– Вспоминаю давние разговоры о том, что в скором времени она снова вышла замуж, – задумчиво проговорил Пауль. – Кажется, об этом знал адвокат моего отца, который оформлял развод. Я порадовался за нее, а рассуждения пропустил мимо ушей. У меня был ты, а все остальные обстоятельства потеряли значение. Если это действительно так, то, несомненно, у нее родились и другие дети: она была здоровой, чувственной девушкой. Но мне вполне хватало тебя. – Отец и сын долго смотрели друг на друга в полном молчании.

Новость поразила Николаса тем сильнее, что он всегда считал отца безупречно честным человеком. И вот внезапно выяснилось, что тот обманывал его с первых дней и всю жизнь. Больно было думать, что где-то есть мать, которая, скорее всего, продала его за круглую сумму. О деньгах отец не упомянул, однако особого труда не составляло догадаться, что согласие на развод и отказ от ребенка были получены не просто так.

– Как ее звали? – наконец спросил Николас внезапно охрипшим голосом и вдруг захотел узнать, как выглядела мать. В доме никогда не было ни одной фотографии, ни одного портрета: отец всегда говорил, что изображения напомнили бы о «трагической утрате». Сын уважал его чувства и соблюдал обет молчания.

– Хедвиг Шмидт. – Николас кивнул: имя прочно отпечаталось в сознании. Отец глубоко вздохнул и продолжил рассказ.

– Говорю тебе все это потому, что два дня назад ко мне приехал человек, которого я не видел много лет. В молодости мы были друзьями, а потом он уехал в Индонезию, и связь прервалась. Сейчас стал генералом вермахта, решил оказать мне услугу и навестить. Не знаю, откуда поступили сведения, но только ему стало известно и о женитьбе, и разводе, и о тебе. Сейчас люди начали говорить лишнее, хотя прежде никогда этого не делали. Дурной берлинский ветер носит сплетни по всей Германии.

Пауль пронзительно взглянул на сына.

– Так вот, Генрих фон Мессинг сказал, что твоя мать – наполовину еврейка. Я об этом, естественно, не подозревал, а даже если бы и знал, то не обратил бы внимания. Брак был неуместен хотя бы из-за обстоятельств ее происхождения: как тебе уже известно, семья состояла в родстве с одним из наших арендаторов. По словам Генриха, мать Хедвиг имела еврейские корни, следовательно, она наполовину еврейка, ты – на четверть, а твои дети – на одну восьмую часть. Мессинг подчеркнул, что в наши дни опасно иметь даже каплю еврейской крови, и такое положение продолжается уже несколько лет, со времени принятия Нюрнбергских законов.

В 1935 году евреи были объявлены отдельной нацией и лишены гражданства. С тех пор было принято еще сто двадцать постановлений, ущемляющих их права. Принадлежность к «неарийской расе», пусть даже минимальная, стала считаться преступлением. Пауль фон Бинген даже представить не мог, что судьба евреев в Германии способна каким-то образом

затронуть его семью, и вот внезапно оказалось, что страшная участь непосредственно касается любимого сына и внуков. Жестокий, невыносимо болезненный удар!

В глазах блеснули слезы, однако Пауль не встал с кресла и даже не отвернулся. Он видел, что Николас сражен известием.

– Генрих приехал специально, чтобы предупредить меня о грозящей опасности. Рассказал, что кто-то завел на тебя дело и выяснил всю родословную. Положение катастрофическое и для тебя самого, и для твоих мальчиков: тлеющие угли способны вспыхнуть в любой момент. Тебя и детей могут схватить, лишит все имущество и выслать в какое-нибудь страшное место. Генрих уверен, что ради безопасности вам необходимо немедленно покинуть Германию. Если же останетесь в стране, то рано или поздно – причем скорее всего рано – досе послужит поводом для отправки в лагерь в качестве «нежелательных лиц». Да, теперь евреи виноваты во всех несчастьях, и даже четверть еврейской крови способна погубить тебя и детей. Всех «нежелательных» сгоняют в Дахау, недалеко от Мюнхена; уберечься от страшной участи не удастся никому.

Слезы уже открыто текли по бледным щекам.

– Генрих предупредил, что дальше будет только хуже. Я спросил, нельзя ли замолвить за тебя словечко, нельзя ли получить послабление – ведь ты «нежелательный» лишь на четверть, но он без тени сомнения ответил, что опасность грозит любому, среди чьих предков обнаружится хотя бы один-единственный еврей. – Говоря это, отец кашлянул, пытаясь подавить рыдание, застрявшее в горле, словно кость. А выглядел он так, словно сердце с минуты на минуту разорвется.

– Мой дорогой, тебе и твоим детям придется уехать из Германии. Как можно скорее. Немедленно. Прежде чем с вами случится что-нибудь ужасное. Генрих несколько раз повторил, что нельзя терять время.

В комнате повисло безысходное молчание. Слезы без стеснения капали на стол. Николас сидел неподвижно и смотрел на отца, пытаясь осознать все, что только что услышал.

– Ты действительно считаешь, что мне необходимо бежать? Но это же просто нелепо! Я не еврей. Даже если мать и принадлежала к этому народу, ты истинный немец. И я немец. Даже не подозревал ни о чем подобном. А дети тем более. Их мать – католичка, родственница епископа.

– Все это так, но только не для них. Не для правительства Гитлера. Им не важно, какую религию ты исповедуешь. Одной капли неправильной крови достаточно, чтобы перечеркнуть человеческую жизнь, – горько возразил Пауль. – Дело не в вере, а в национальности. Отныне ты не считаешься чистокровным арийцем.

– Абсурд. – Николас вскочил с кресла и нервно прошелся по комнате. – Ничего не имею против евреев, но не готов внезапно стать одним из них. – Он чувствовал себя окончательно раздавленным.

– А вот Третий рейх считает иначе, – настойчиво повторил отец. – Не допущу, чтобы палачи явились сюда, схватили тебя и отправили в лагерь. Мессинг предупредил, что такое произойдет наверняка, потому что власти нужны демонстративные жертвы. Им дела нет до того, кто ты такой и как живешь, – люди еврейского происхождения должны уехать или принять свою судьбу. Трудно сказать, каким станет следующий шаг нацистов. Сейчас они заключают евреев в трудовые лагеря и называют «криминальным элементом», чтобы иметь основание запретить их вместе с гомосексуалистами, цыганами и прочими негодными правительству Гитлера. Еврейским учителям не дают работать, у бизнесменов отнимают предприятия, людям даже не позволяют ходить в парки и бассейны. К чему может привести подобная политика? Пока еще не поздно получить паспорт и разрешение на выезд, надо воспользоваться возможностью и уехать подальше отсюда. – Пауль не сомневался в том, что тянуть смертельно опасно, и сейчас уже почти приказывал сыну спасаться бегством.

– Насколько же ситуация способна осложниться? – скептически уточнил Николас. – Мы с тобой уважаемые граждане, папа. Тебе принадлежит одно из крупнейших поместий Германии, а наша семья едва ли не старейшая в стране. – Возражения звучали отчаянно, а потому неубедительно. Николас изо всех сил пытался отстоять право на жизнь в том единственном месте, которое считал своим домом.

Пауль фон Бинген горько покачал головой.

– В их понимании мать, оказавшаяся наполовину еврейкой, перечеркивает все остальные факты твоей биографии. Благородство и знатность нашей семьи их абсолютно не интересуют. По происхождению ты еврей, даже если категорически с этим не согласен. Германии евреи больше не нужны – это прямо заявил генерал вермахта. Поверь, приехав сюда, чтобы предупредить нас, он страшно рисковал. Твое дело уже попало на стол к одному из берлинских чиновников. Они систематично и кропотливо выискивают неугодных: проверяют все старые семейства, рыщут в городских реестрах, изучают записи о браках и рождениях детей. Мессинг сказал, что надо действовать быстро: в нашем распоряжении не больше нескольких недель.

– И что же мне делать? – Николас уже почти кричал, хотя и понимал, что винить можно только безжалостную судьбу. – Бежать?

Пауль поднял на сына полные боли глаза и кивнул.

– Да. Генрих сказал, что, как правило, люди уезжают в Америку, но для этого необходимы материальная поддержка и работа, а найти ее нелегко. Я составил список знакомых американцев, но не знаю, захотят ли они помочь. Собираюсь написать в Англию, директору твоей школы; возможно, он найдет способ оказать содействие. Нужно использовать все связи – лишь бы вы смогли вырваться на свободу. Однако тебе придется работать.

– Но что же я буду делать, папа? Стану шофером? Понятия не имею, что значит работать. – Говоря это, Николас чувствовал себя крайне неловко, однако оба понимали, что так оно и есть. Образ жизни и обстоятельства вовсе не требовали от него продуктивной деятельности, не рождали стремления к труду. Он даже не научился тому немногому, чему должен был бы научиться – умению по-хозяйски распоряжаться собственной землей.

– Возможно, тебе удастся устроиться в банк, – с надеждой произнес Пауль. – С собой разрешено взять только ограниченную сумму: правительство препятствует вывозу денег из страны. Дам тебе столько, сколько позволят. – Он тяжело вздохнул. – Учти, что придется заботиться о мальчиках.

– Жизнь не готовила меня к жестокому повороту судьбы, – в отчаянии проговорил Николас. – Никогда не приходилось делать ничего иного, кроме как ездить верхом, гонять на машине, говорить любезности на званых обедах и танцевать на балах. Какое из этих умений пригодится в поисках работы?

– Придется что-то придумать, причем очень быстро. Терять время ни в коем случае нельзя. Например, можно преподавать немецкий язык. Ты хорошо говоришь по-английски, вот почему я хочу написать директору школы. Не исключено, что он подыщет тебе работу учителя в Англии или в Соединенных Штатах. Уважаемая профессия прокормит и тебя, и детей.

– А что я скажу сыновьям? – Николас окончательно растерялся: ситуация казалась дикой, нелепой, устрашающей. В пятнадцать лет Тобиас вряд ли сможет что-то понять, а Лукас в свои шесть и подавно. Да он и сам ничего не понимал. – Что мы должны покинуть Германию, потому что считаемся здесь преступниками? Мальчики даже не знают, кто такой еврей. А мне придется объяснить им, что из-за того, что Германией теперь правит сумасшедший, мы вынуждены покинуть родной дом и отправиться в чужую страну, где ничего не имеем и никого не знаем. Но ведь это же самое настоящее безумие!

– Да, безумие, – печально согласился Пауль фон Бинген. – Когда ситуация нормализуется, что рано или поздно обязательно произойдет, вы сможете вернуться, но сейчас выход один: спастись бегством. Генрих объяснил это очень доходчиво, и я ему верю. Иного выбора не существует. Напишу письма всем, кого знаю, а ты постарайся вспомнить, не сможет ли кто-нибудь помочь деньгами или работой.

Николас снова опустился в кресло и долго молчал, а когда заговорил, удивил отца ответом.

– Люди, с которыми я учился в Англии, занимаются теми же делами, что и мы: охотятся, ездят верхом, управляют поместьями. Никто из них не работает. А я хочу попытаться разыскать свою мать и встретиться хотя бы однажды. Даже если она не захочет меня знать, увидеть ее будет интересно. – Внезапно это стало очень важно, хотя он и не мог ответить почему: мать, которая бросила, едва родив, странным образом притягивала. Раз она жива, значит, необходимо ее увидеть, посмотреть в глаза.

– Понимаю и постараюсь помочь, – спокойно и уверенно ответил Пауль, хотя известие его явно не порадовало. Сорок три года Хедвиг Шмидт отсутствовала в его жизни, и возвращать ее из прошлого не хотелось. Однако в первую очередь предстояло заняться делами более важными, чем удовлетворение любопытства Николааса в отношении матери. – Нельзя тянуть время. Нужно как можно быстрее отправить вас в безопасное место. – Ни отец, ни сын понятия не имели, как это сделать, однако сознавали, что необходимо что-то придумать. От этого зависело благополучие, если не сама жизнь. Мысль об отправке в трудовой лагерь привела Николааса в ужас, а Пауль не мог представить ничего страшнее, хотя Генрих Мессинг намекнул, что это может оказаться лишь первым шагом, а дальше будет еще хуже. Он не хотел бы, чтобы это произошло. Пауль представил, что бы случилось, если бы давний друг не приехал, и вздрогнул: Николааса и детей застали бы врасплох и схватили...

– Давай поговорим попозже, – обреченно попросил Николаас. – Хочу подышать свежим воздухом.

– Куда ты собрался? – встревоженно спросил Пауль, опасаясь за сына.

– В Альтенберг, к Алексу, – ответил Николаас. В минуты горя и радости он первым делом мчался к другу.

– И что же, обо всем расскажешь?

– Пока не знаю. Просто хочу немного побыть там, у него. Когда соберусь уезжать, расскажу обязательно. К тому же нужно подумать, кому следует написать и вообще с чего начать. В Штатах я никого не знаю. – С таким же успехом это могла бы быть другая планета, а представить себя учителем в английской школе Николаас не мог. Да и вообще не мог представить, что уедет из Германии. Куда? Зачем?

– У меня есть кое-какие знакомые, – спокойно ответил Пауль. – Напишу каждому из них, попрошу помочь тебе найти работу и по возможности поддержать материально.

– Могу работать конюхом или учителем танцев, – с печальной улыбкой произнес Николаас, однако он почти не шутил. Кроме этого он вряд ли что-то умел. Впрочем, и за лошадьми ухаживал только в детстве, однако знал, что справится.

– Постараюсь найти занятие понадежнее, – пообещал отец, хотя пока не знал, каким образом сумеет это сделать. Ради спасения сына и внуков он был готов на любые жертвы.

Через несколько минут Николаас уже ехал в своем «бугатти», глубоко погружившись в размышления. За рулем прекрасной спортивной машины он думал о том, что привычная жизнь закончилась на долгие годы, если не навсегда. А Пауль пытался смириться со скорой потерей семьи и разлукой с самыми близкими, дорогими людьми. Мелькнула мысль поехать вместе с ними, но как же бросить поместье? Нет, он должен остаться на своей земле, со своими арендаторами, чтобы вести хозяйство и хранить наследие предков, которое с детства привык свято уважать. Да и немолод он уже, чтобы мотаться по свету. Не хватало Николаасу

нянчиться со стариком, достаточно и детей. Пауль знал, что должен остаться дома, но сын вместе с мальчиками обязан бежать, причем немедленно.

Николас приехал в Альтенберг, оставил машину и прошел на конный двор, где друг уже работал с Плуто. Алекс методично заставлял питомца повторять различные аллюры, в долю секунды изменять направление, стоять на задних ногах, выполняя коронный трюк липицианов под названием «леваде». Трудно было не заметить, что за несколько недель учитель и ученик добились великолепных результатов: долгие часы занятий не прошли даром. Плуто обладал врожденным артистизмом, так что в Вене, несомненно, его ждал успех, хотя Алекс все еще находил, к чему придрататься. Сейчас, увидев, что друг по обычаю уселся на ограде, он помахал ему в знак приветствия.

– Ну и как прошел разговор с отцом? – осведомился он через плечо. – Было очень страшно?

Николас пожал плечами. Лгать не хотелось, но еще больше не хотелось говорить правду. Пока он и сам не успел пережить всего, что услышал: новость оказалась слишком безобразной, слишком пугающей. Вместе с сыновьями ему предстояло бежать в неизвестном направлении, без цели, без средств к существованию. Рассказ отца до сих пор казался кошмаром, и хотелось одного: проснуться и узнать, что все это неправда, сон или дурная шутка. Однако он понимал, что не проснется. Алекс тем временем заставил коня совершать легкие прыжки – прием под названием «курбет». Николас уже много лет с интересом наблюдал, как старательно друг работал над этой фигурой, так же как и над другими знаменитыми, почти балетными движениями – «каприолем» и «крупадой», в которых сильные животные словно невесомо парили в воздухе. Сам Алекс называл эти фокусы «полетами над землей». Арабских лошадей он тренировал столь же искусно и терпеливо, как липицианов, обучая их и выезде, и работе в упряжи. Невольно Николас погрузился в увлекательный процесс и, забыв о собственной трагедии, несколько часов подряд наблюдал за уроком. Только сумерки заставили мастера прекратить работу, и подоспевший грум увел великолепного Плуто в конюшню. Прежде чем расстаться с конем, Алекс несколько минут что-то тихо ему говорил, словно благодарил за талант, старание и преданность. Сегодня конь трудился с особенным вдохновением. Николас спрыгнул с ограды, подошел к другу и увидел, что тот доволен результатом.

– Ума не приложу, как тебе удастся все это делать, – восхищенно проговорил он. – Смотрю уже в тысячный раз и не устаю удивляться, особенно когда лошадь начинает летать. Клянусь, ты владеешь тайной магией.

– Ничего подобного, – скромно улыбнулся Алекс. – У липицианов это в крови, они хотят прыгать. А мне остается лишь подбодрить и уговорить попробовать. Как только они чувствуют, что все получается, страх сразу пропадает и занятия превращаются в удовольствие. – Он взглянул на друга и заметил несвойственную его характеру неуверенность, а возможно, даже тревогу. – Отец здоров? – Внезапно подумалось, что даже такой жизнелюбивый человек, как Пауль фон Бинген, может заболеть. Уж очень несчастным и потеряннным выглядел сегодня Николас.

– Да, прекрасно себя чувствует, – ответил тот, направляясь в конюшню рядом с хозяином. Алекс посмотрел внимательно: обычно свободный и раскованный, сейчас друг выглядел напряженным, а в глазах застыла боль. Перемена показалась настолько разительной, что не заметить было невозможно.

– Ты вовсе не обязан ничего мне говорить, – осторожно заметил фон Хеммерле. – И ровным счетом ничего не должен. Но я точно знаю, что ты лжешь. Если смогу чем-нибудь помочь, только дай знать.

Николас покачал головой. От доброты, сочувствия друга на глаза навернулись непрошенные слезы. Он повернулся и прямо посмотрел на человека, давно ставшего не только дру-

гом, но и братом. Алекс преданно утешал его после смерти жены и дочки, неизменно оказывался рядом и в радости, и в печали. Они вместе праздновали и плакали, делились мыслями и переживаниями как самые настоящие братья.

– Моя мать до сих пор жива... все это время отец лгал мне и о ее смерти, и том, кем она была. А совсем недавно выяснилось, что она наполовину еврейка. Этого отец не знал, но на днях к нему приехал давний друг – высокопоставленный офицер вермахта – и предупредил, что если я вместе с сыновьями не уеду из Германии немедленно, то нас арестуют и отправят в концентрационный лагерь. Отныне и я сам, и мои дети стали евреями, а следовательно, людьми «нежелательными». Мне необходимы работа и финансовая поддержка в Америке, Англии или какой-то другой стране, куда удастся уехать. Понятия не имею, что делать и на какие деньги растить детей на чужбине. Работать могу только конюхом, грумом или шофером – ничего иного делать просто не умею. – Голос сорвался от сдержанных рыданий. Алекс остановился, повернулся к другу и замер.

– Ты серьезно? Это не шутка, не розыгрыш? – наконец с трудом проговорил он. История казалась невероятной, особенно слова о том, что мать Николаса жива, а сам он – еврей, пусть даже частично.

– Неужели я похож на шутника? Что же, черт возьми, мне теперь делать?

– Искать спонсора и работу, причем чертовски быстро, – мрачно ответил Алекс. Оба знали, что происходит в Германии со времени принятия инициированных Гитлером Нюрнбергских законов, вот только не могли представить, что травля затронет одного из них. Ужасная новость полностью объясняла убитый вид Николаса.

– И какую же, позволь спросить, работу прикажешь искать? – с горечью уточнил он. – Ты, по крайней мере, умеешь тренировать лошадей, а я не способен даже на это. Могу только ездить после того, как кто-нибудь их обучит.

– А ты уверен, что невозможно откупиться или убедить нужных людей изменить мнение? – Алекс до сих пор не верил в безысходность ситуации – собственно, как и сам Николай, – и все же правда оставалась правдой.

– Отец уверяет, что вариантов не существует. Его друг, генерал вермахта, велел уезжать немедленно, в нашем распоряжении не больше нескольких недель. Понятия не имею, что делать. С какой стати кто-то согласится дать мне денег или примет на работу, на которую я неспособен?

– Что-нибудь придумаем, – пытаюсь успокоить, заверил Алекс. Однако даже больше, чем необходимость найти для друга финансовую поддержку и работу, его тревожило сознание потери близкого человека – товарища в детских играх и соучастника в проказах, почти брата. Николай уедет из Германии скорее всего навсегда и уж точно надолго – до тех пор пока страна не придет в себя. Кто предскажет, сколько времени для этого понадобится? – А мальчики уже знают?

– Я и сам узнал только сегодня утром, – пожал плечами Николай. – Не собираюсь ничего им говорить до тех пор, пока не пойму, что делать дальше. Что, если так и не смогу ничего найти и всех нас арестуют?

– Если подобное случится, вы выдержите. Но допустить этого ни в коем случае нельзя. – Алекс не мог представить, что все трое окажутся в заключении. Слишком жестоко. Что, если кто-нибудь из них не выживет? Нет, надо непременно найти способ избавления! Он попытался вообразить, что было бы, если бы эмигрировать пришлось им с Марианной. Разум отказывался принимать страшную возможность, но в одном сомневаться не приходилось: он бы смертельно волновался за судьбу дочери – так же, как Николай волнуется за судьбу сыновей. Вспомнилось страшное время болезни и смерти его жены и дочери: кошмар повторялся.

– Постараемся что-нибудь придумать, – не очень убедительно пообещал Алекс, глядя, как друг садится в машину. Николас ответил полным отчаяния взглядом. Разве могли они предположить, что в прекрасной, горячо любимой стране случится что-нибудь подобное? Жизнь выглядела устойчивой, спокойной и безопасной на многие поколения вперед, а сейчас Николас вместе с детьми стоял на краю пропасти, и спасением могло стать только поспешное бегство. Невозможно было даже представить нечто подобное, не говоря уже о том, чтобы совершить чудо и найти решение неразрешимой проблемы.

– Не знаю, что делать, – повторил Николас. – Что, если выхода просто не существует?

– Существует, – спокойно заверил Алекс. – Должен существовать, раз вопреки всем законам разума подобная ситуация все-таки возникла, тем более в цивилизованной, просвещенной Германии. Кого волнует, что твоя мать наполовину еврейка?

– Хочу с ней встретиться, – смущенно признался Николас. – Если бы не жестокость событий, страшно обиделся бы на отца за то, что все эти годы он скрывал правду, но сейчас уже винить не могу. Бедняга умирает от страха за нас, сердце его разбито неминуемой разлукой. И все же чувствую, что должен увидеть мать, узнать, какая она. Даже если окажется, что между нами нет ничего общего, она все равно остается моей матерью – той, о ком я с детства постоянно думал.

Алекс кивнул. Он мог понять стремление восполнить пробел в биографии, хотя считал, что в первую очередь необходимо решить проблему куда более насущную.

– Действительно ли это важно? – спросил он.

– Для меня – да, – серьезно ответил Николас. – Но прежде все-таки необходимо найти поддержку в Штатах или Британии, чтобы содержать мальчиков.

– Обязательно об этом подумай, – пообещал Алекс.

Через открытое окно Николас крепко пожал другу руку.

– Спасибо, – поблагодарил он, – за все... за то, что все эти годы был рядом. – Алекс молча кивнул: подступившие слезы мешали говорить. Да и как объяснить словами, что значили в его жизни Николас с сыновьями? С этой минуты он возненавидел нацистов еще яростнее. Страна, должно быть, сошла с ума, если позволяет маленькому чудовищу выгонять уважаемых граждан вместе с детьми из старинных фамильных поместий и высылать в какие-то страшные лагеря. Семейство фон Бинген представляло собой гордость и сущность Германии, ее вечную ценность. Обращаться с такими людьми, как с нарушителями закона – жестокое преступление против страны, которую он с гордостью называл родиной. Больно было думать о том, что скоро Николас исчезнет – скорее всего надолго, если не навсегда. Поднимаясь на крыльцо, Алекс ладонями вытирал глаза: он плакал о друге, о его сыновьях, о его отце, чье сердце разобьется в разлуке, о самом себе и о Германии, которую прежде нежно любил, а сейчас возненавидел за тупую самоуверенность. Нависший подобно дамочкову мечу кошмар грозил неизмеримыми потерями и служил устрашающим признаком времени. Мирная благополучная жизнь разбилась вдребезги, и восстановить ее уже не удастся.

Глава 3

С того момента, как Пауль объяснил сыну, почему ему придется уехать, дни потянулись бесконечной унылой вереницей, исполненной сомнений и страха. Николас все еще с трудом верил в реальность событий, Пауль сидел в кабинете и строчил письмо за письмом, обращаясь к едва знакомым людям с просьбами помочь сыну и внукам.

Шестилетний Лукас еще не чувствовал возрастающего напряжения и не понимал настроений взрослых. Тобиас, однако, очень быстро ощутил перемену и прямо спросил отца, что произошло. Объясняя сыну, почему им придется покинуть родной дом и родную страну, Николас фон Бинген пережил тяжкое, болезненное испытание прежде всего потому, что до сих пор не смог примириться с бесчеловечностью и нелепостью собственного положения.

Тобиас разрыдался и категорически заявил, что никуда не поедет, а едва придя в себя, сел на велосипед и помчался к Марианне. Когда он появился, она как раз выходила из конюшни. Грипп уже прошел, но оставил после себя изнуряющий кашель, а потому шея ее была замотана красным шарфом. Едва заметив Тобиаса, Марианна поняла, что он плакал, и испугалась, не случилось ли чего-нибудь плохого. Отец не сказал дочери ни слова: не хотел нагнетать атмосферу ужаса. К тому же ждал конкретных известий о времени отъезда и стране, готовой принять беглецов. Всех терзал страх: вдруг никто так и не согласится помочь? Тогда Николас вместе с сыновьями попадет в концентрационный лагерь. Дни свободы были сочтены, а время стремительно ускоряло свой бег. Чтобы спастись, следовало срочно найти приемлемый вариант.

– Мы уезжаем! – крикнул Тобиас, спрыгнул с велосипеда и побежал навстречу.

– Куда? – испуганно спросила Марианна. В глазах друга стояли слезы, а выражение лица не обещало ничего хорошего.

– Пока не знаем, но уже скоро. Наверное, в Америку или в Англию. Папа и бабушка над этим работают. Оказалось, что папина мама наполовину еврейка и жива до сих пор. Она с бабушкой развелась и куда-то уехала, – пояснил Тобиас тоном заговорщика. – И вот теперь мы вынуждены уехать, потому что нас считают евреями.

– Глупости. – Марианна внимательно посмотрела на друга: он дрожал с головы до ног то ли от страха и возмущения, то ли от холодного ветра, который нахально трепал волосы. – Вы не евреи. Кто сказал, что нужно уезжать, и с какой стати?

– Рейх считает евреями всех, в чьих жилах течет хотя бы капля крови этого народа. Папа ни разу не видел свою мать, но из-за нее он тоже еврей. Она уехала сразу после его рождения, а его отдала бабушке. Папа только что это рассказал. А я никуда не поеду. Останусь здесь, потому что здесь наш дом. – Тобиас безудержно разрыдался. Марианна обняла его и тоже заплакала. – Папа сказал, что, если останемся здесь, нас арестуют и куда-то отправят. В какой-то лагерь. Этого я тоже не хочу.

– А Лукас знает? – с тревогой спросила Марианна. Она считала обоих своими братьями. Знала, что Тобиас в нее влюблен, но не обращала внимания, так как считала его ребенком. Он был моложе всего на два года, но между семнадцатью и пятнадцатью едва ли не пропасть.

– Брат еще слишком мал, и мы не можем ему сказать, – Тобиас повторил слова отца. – Папа должен найти работу и финансовую поддержку.

– Какую работу? – Известие потрясло, как и все остальное, что только что поведал Тобиас.

– Не знаю. – Мальчик явно смутился.

– Что он умеет делать? – удивленно уточнила Марианна и повела друга в дом, чтобы укрыться от холодно ветра.

– Не знаю, – повторил Тобиас. Они вошли в огромный, продуваемый сквозняками холл, где со старинных портретов смотрели чопорные предки. Марианна заглянула в кухню, попросила горячего шоколада и поднялась наверх, в пустующий кабинет отца. В уютной комнате с уставленными книжными шкафами стенами в ожидании хозяина горел камин. Она очень любила здесь сидеть, особенно поздней осенью и зимой, когда в больших залах становилось прохладно, а в небольшом кабинете всегда можно было согреться. А главное, здесь был папа. Марианна обожала разговаривать с ним обо всем на свете, да и Тобиасу эти долгие беседы очень нравились.

– Все это кажется каким-то сумасшествием. – Девушка отказывалась верить и самой истории, и ее жестоким последствиям. – Ты уверен, что уезжать необходимо? На каком основании вас могут арестовать? Твой папа не вор и вообще не совершил ничего плохого.

– Конечно. Но они считают его евреем, и этого достаточно! – в отчаянии воскликнул Тобиас.

– И что же, теперь евреев отправляют в специальные лагеря? – Марианну охватил леденящий ужас.

– Давний дедушкин друг, генерал, приехал специально, чтобы его предупредить. Это он посоветовал нам уехать, чтобы спастись.

Марианна побледнела, руки у нее задрожали. В комнату вошла Марта с подносом, где стояли две чашки горячего шоколада, сразу заметила, что молодые люди расстроены, и поспешила тихо удалиться: наверняка снова о чем-то поспорили, как это нередко случалось. Ничего, скоро договорятся. Ссорились они с самого детства, и Марианна всегда побеждала, потому что была старше. Тобиас до сих пор во многом оставался ребенком, а она за последний год заметно повзрослела и похорошела: стала такой же красивой, какой была ее мама, если не лучше. Ну а характером пошла в отца.

– Бессмысленная, безумная история, – решительно заявила Марианна, пригубив горячий густой напиток. Верить не хотелось, и все же ужас в глазах друга убедительно доказывал, что он сказал правду – конечно, если все правильно понял и не преувеличил опасность. О, если бы так!

– А мой папа в курсе? – уточнила она.

– Не знаю. Отец ничего об этом не сказал, – ответил Тобиас, и в эту минуту, словно материализовавшись, в комнату вошел Алекс фон Хеммерле. Марта предупредила, что дети сидят в кабинете, а через минуту появилась с чаем для господина. Он наполнил чашку и серьезно взглянул на обоих.

– Итак, что же здесь происходит? – Пока он не понимал, ссорятся ли они или Тобиас узнал новость и поделился с Марианной. Николас не хотел расстраивать детей до тех пор, пока не определится со страной эмиграции, однако, как сам он признался, до сих пор не узнал ничего конкретного.

– Мы уезжаем, – мрачно заявил Тобиас и повторил ту самую историю, которую только что поведал Марианне. Алекс кивнул, и сразу стало ясно, что ничего нового он не услышал.

– Николас рассказал мне об этом несколько дней назад, – спокойно пояснил он. Тон отца развеял последнюю надежду, и теперь уже Марианна не смогла сдержать слез.

– Но как же такое может случиться, папа? – с трудом выговорила она. – Почему они высылают евреев в трудовые лагеря? К тому же фон Бингены вовсе не евреи.

– Оказалось, что Николас и его сыновья несут в себе каплю еврейской крови, а для рейха этого вполне достаточно. В последние пять лет людей этой национальности медленно, но неуклонно выталкивают из нашего общества. Судя по всему, нынешние правители хотят изолировать их – по возможности, в лагерях – или выгнать из страны. Тобиас прав, им необходимо уехать, причем как можно скорее. Сейчас его отец и дедушка серьезно этим занима-

ются. – Он и сам отправил несколько писем, но ответов пока не получил. – Мне очень, очень жаль. Уверен, что они обязательно найдут выход. Тяжело переживать неизвестность.

– А мы сможем их навещать? – тихо спросила Марианна. Известие оказалось самым страшным с тех пор, как пять лет назад умерли мама и маленькая сестренка Тобиаса и Лукаса. Она очень любила обеих, страшно горевала, узнав о смерти, и до сих пор тяжело переживала потерю.

– Все зависит от того, где они окажутся, – честно ответил Алекс. – Но обязательно постараемся. – Дети обменялись красноречивыми взглядами, не скрывая чувств по поводу предстоящей разлуки. Тобиас с ужасом думал об утрате – расставании не только с близкими друзьями, но и с родным домом. К тому же отец сказал, что дедушке придется остаться дома, потому что нельзя бросать родовое гнездо на произвол судьбы, когда вокруг творится беззаконие, пусть даже поместье находится вдалеке от крупных городов. Трудно предвидеть, что может случиться завтра.

Разговор продолжался долго. Марта снова принесла горячий шоколад, чай и свежеспеченные бисквиты. Марианна вдруг осознала, что скорее всего Тобиасу и его родным так жить больше не придется. Слава богу, что им с отцом ничего не грозит! Через некоторое время Алекс предложил отвезти мальчика домой, однако тот ответил, что прекрасно доедет на велосипеде. Посидел еще несколько минут, а потом попрощался и поцеловал Марианну в щеку, отчего вновь предстал в ее глазах младшим братишкой, а вовсе не взрослым мужчиной, каким так хотел казаться.

– Просто ужасно, папа, – горестно заключила она, все еще не в силах поверить в реальность происходящего, напрасно пытаюсь справиться с неожиданным ударом.

– Ужасно. Понятия не имею, что они будут делать. Нелегко за несколько недель найти работу и устроить новую жизнь. Для всего этого нужно время, которого нет.

– А что, если их все-таки арестуют и отправят в лагерь? – спросила Марианна, едва дыша от страха.

– В таком случае придется проявить выдержку и преодолеть лишения. – Алекс постарался говорить просто и спокойно, чтобы убедить дочь в благополучном исходе, хотя и сам мало верил своим словам. Спасение заключалось в немедленном бегстве из страны, однако пока Николасу ехать было некуда.

Об этом они говорили и за обедом, причем Марианне показалось, что, услышав о еврейских корнях Николаса и его сыновей, Марта как-то недобро усмехнулась и поспешила скрыться в кухне.

Беспокойство не оставляло Марианну всю ночь; забылась она лишь под утро, да и то беспокойным, полным тревоги сном. Алекс не спал вообще, а на рассвете, еще в полутьме, внезапно сел в постели: в голову пришла блестящая идея. Он вскочил, быстро оделся, бегом спустился по лестнице, снял с вешалки пальто, схватил со стола ключи от машины. Вывел из гаража «Испано-Суизу» и поехал в соседнее поместье, к фон Бингенам. Постучал в дверь большим медным молотком, и спустя мгновение дверь открыла экономка. Алекс попросил пригласить Николаса, но в ответ услышал, что господин еще спит. Впрочем, немного подумав, экономка согласилась выяснить, сможет ли он спуститься. Через несколько минут Николас появился в накинутом на пижаму шелковом халате и шлепанцах. Вид шагающего по холлу Алекса удивил: друг выглядел так, словно готовился сообщить важную новость.

– Появился план, который вполне может сработать, – возбужденно заговорил фон Хеммерле. Ему очень не хотелось, чтобы Николас уезжал, однако в данных обстоятельствах иного выхода не существовало: угроза концентрационного лагеря не оставляла выбора.

– Но почему же так рано? – удрученно спросил Николас, завязывая пояс на халате. Он не ложился до двух часов ночи; все пытался что-нибудь придумать, однако ни одной стоящей мысли в голову так и не пришло.

– Дам тебе двух липицианов и несколько аравийцев, – заявил Алекс без всякого вступления. – Дело за малым: остается только связаться с цирком и попросить принять тебя в труппу. С восемью лошадьми, среди которых два липициана, отказа точно не будет.

Николас недоверчиво посмотрел на друга и расхохотался. Смеялся он так долго, что на глазах выступили слезы и даже пришлось сесть. С трудом успокоившись, позвонил и распорядился принести кофе.

– Ты сумасшедший, но я тебя люблю. Поверь, поступить в цирк не удастся даже с твоими великолепными лошадьми. Я не умею с ними обращаться. Опытный мастер выездки ты, а не я. Да и лошадей твоих принять не смогу; липицианов уж точно. И ни один цирк никогда меня не примет, потому что я понятия не имею, что и как там делать.

– Научу всему, что необходимо знать и уметь, тем более что липицианы уже отлично исполняют свои трюки. Тебе останется только отдавать команды, все остальное они сделают сами. Положись на них. А сам можешь галопом носиться по арене верхом на одном из арабских скакунов. Поверь, Николас, ты один из лучших наездников, которых мне довелось знать. Ради собственного благополучия и безопасности детей не грех и постараться! – Алекс искренне надеялся на успех.

– Нет, поступить в цирк невозможно! – в ужасе воскликнул Николас. – Что я там буду делать?

Отступать Алекс не собирался.

– Что будешь делать? Всего лишь спасти себя и детей от катастрофы, которая ожидает вас здесь. Ситуация в стране не изменится к лучшему, дальше будет только хуже, тем более что генерал предупредил о заведенном на тебя деле. Так между чем и чем собираешься выбирать?

Николас долго молчал, погрузившись в глубокое раздумье, а затем коротко кивнул и взглянул на друга. Алекс был прав в каждом слове.

– Но я не могу просто так взять восемь лошадей, а тем более двух липицианов. Перед отъездом обязательно заплачу.

– Нет, денег я не возьму, ведь ты мне почти брат. Если цирк согласится тебя принять, то лошади станут подарком к началу новой жизни.

– Слишком дорогой подарок, – твердо возразил Николас и снова задумался. – Но как же найти цирк, тем более в Америке?

– Читал, что существует успешная труппа под названием «Братья Ринглинг». Кажется, они объединились с каким-то другим шапито в новую компанию и стали называться «Цирк братьев Ринглинг», а базируются во Флориде. Можно позвонить в Берлин, в американское посольство, и навести справки.

– В американском посольстве решат, что мы ненормальные, – улыбнулся Николас. В душе затеплилась надежда, хотя предложение все еще казалась фантастическим. Вряд ли цирк согласится принять на работу случайного человека, не готового к выступлению на арене, – пусть даже и с собственными лошадьми. Это было бы слишком просто. Однако этим же утром друзья все-таки позвонили в американское посольство и получили адрес труппы под названием «Цирк братьев Ринглинг, Барнума и Бейли» в городе Сарасота, штат Флорида, где артисты проводили зимние месяцы, прежде чем отправиться в очередное гастрольное турне. Ответившая на звонок сотрудница посольства сообщила всю необходимую информацию, а Николас ничего объяснять не стал. Побоялся, что его сочтут сумасшедшим.

Друзья тут же сели и сочинили подробное письмо с просьбой принять на работу, подробным описанием всех лошадей и перечнем документов, необходимых от принимающей стороны для разрешения на выезд из Германии. Отвезли письмо на почту, вернулись и рассказали Паулю обо всем, что сделали. Он счел идею интересной, но тоже предупредил, что если что-нибудь получится, то обязательно заплатит за животных, потому что Николас

заберет из конюшни друга лучших лошадей. Алекс, в свою очередь, сказал, что у него есть старый железнодорожный контейнер, который прекрасно подойдет для перевозки ценного груза. Кажется в конце концов ему удалось убедить друга в успехе предприятия. Николас немного успокоился и даже захотел прокатиться верхом, однако Алекс не позволил, заявив, что их ждет работа.

– Что еще за работа? Решил снова проинспектировать лес? – Николас был не прочь составить компанию: поездка развлечет и поможет хотя бы на время забыть о проблемах.

– Тебе предстоит научиться работать с лошадьми, – строго объявил Алекс. – А как только усвоишь все, что должен знать, займемся мальчиками. – Николас понял, что время шуток закончилось, и даже не рассмеялся. Они поехали в Шлосс-Альтенберг и остаток дня провели в серьезной учебе: Алекс показывал, как следует тренировать липицианов и как управлять ими посредством кратких команд. А потом заставил друга сесть верхом на Плуто и вместе с конем совершить все движения и трюки. Но и на этом урок не закончился: после Плуто пришла очередь Нины – белоснежной кобылы липицианской породы, – а затем арабского жеребца.

– Твои лошади намного умнее меня, – сделал вывод Николас. – Я постоянно забываю, что надо делать, а они никогда. – Животные были блестяще подготовлены и безупречно воспитаны.

– Не волнуйся, они подскажут каждый шаг. Иногда мне тоже кажется, что они умнее людей.

Вплоть до вечера Алекс с бесконечным терпением и любовью передавал другу накопленные годами знания и опыт, а потом заставил снова и снова повторять сложные команды. Строгость и требовательность наставника сочетались в нем с поразительным мастерством опытного тренера и наездника.

Неделя прошла в упорных, а порою и изнурительных занятиях. Поначалу Алекс безжалостно дрессировал Николаса, а потом подключил и сыновей. Тем временем начали приходить ответы на запросы Пауля – увы, все, как один, отрицательные. Никто не имел возможности предоставить его сыну работу, а тем более оказать материальную поддержку. Единственной надеждой оставался цирк, а пока ждали известий, Алекс продолжал упорно обучать фон Бингенов новой профессии. Несколько раз Пауль приезжал на конный двор, чтобы посмотреть, как идут дела, а Марианна каждый день заходила по дороге из школы. Успехи казались ей убедительными. Правда, Тобиас пока немного смущался, зато Лукас в своей детской естественности и непосредственности выглядел просто неотразимым. Мальчик уже ловко ездил верхом на липицианах без седла, и теперь Алекс учил его перепрыгивать с одной лошади на другую, причем и Плуто, и Нина охотно позволяли ему это делать. В случае успеха именно этой паре предстояло отправиться за океан. Нине исполнилось десять лет; она отличалась умом, покладистым характером и надежностью в работе. Уже были отобраны и шесть лучших арабских лошадей. Алекс уверял, что готов с ними расстаться без ущерба для конюшни. Однако Николас знал, что Плуто был обещан Испанской школе верховой езды, а найти ему замену непросто. К тому же Алекс упорно отказывался принять деньги.

Ровно через две недели после отправки запроса из Америки пришло письмо. Трясущими руками Николас распечатал конверт и на глазах у отца и друга прочитал ответ. Молчание продолжалось так долго, что Алекс всерьез испугался отказа. Генерал приезжал почти три недели назад, и угроза трудового лагеря или чего-то более страшного возрастала с каждым днем. «Братья Ринглинг» действительно оставались последней надеждой. Наконец Николас опустил листок и потрясенно прошептал:

– Бог мой, они нас берут. Готовы предоставить все необходимое и даже выдать солидный аванс. Можно ехать.

По щекам его потекли слезы. Алекс издал боевой клич и крепко обнял друга. Пауль тоже заплакал. Новость принесла и радость избавления, и горечь утраты. Да, появилась надежда на спасение, но в то же время предстояло навсегда покинуть Германию, причем как можно скорее. Времени оставалось в обрез.

Пауль быстро совладал с нервами, поздравил сына с победой и заявил, что немедленно закажет билеты на пароход. Удалился, чтобы сделать несколько важных телефонных звонков, а через полчаса вернулся и сообщил, что забронировал две кабины первого класса на роскошном океанском лайнере «Бремен», который должен отправиться в Нью-Йорк через четыре дня. Капитан готов принять контейнер с лошадьми в грузовой отсек, но хозяевам придется самим ухаживать за животными. Скорее всего этому роскошному путешествию предстояло стать последним на много-много лет вперед, а возможно, и навсегда. Трудно сказать, когда им удастся вернуться на родину и удастся ли вообще. Радость то и дело сменялась печалью, а возбуждение граничило с отчаянием. А когда Николас объявил мальчикам о скором отъезде, все снова заплакали.

Последние четыре дня перед разлукой семьи провели вместе. Алекс не терял ни минуты и безжалостно тренировал будущих артистов. Старания мастера не прошли даром: накануне отъезда фон Бингены представляли собой вполне профессиональную цирковую команду. Пауль, Алекс и Марианна собирались проводить путешественников до парохода. Предстояло поездом доехать до порта Борнховена – через Нюрнберг и Ганновер, а там погрузить лошадей и подняться на борт самим. В последний вечер в Шлосс-Альтенберг состоялся прощальный ужин. Прекрасная еда сопровождалась множеством эмоциональных тостов, минутами грустного молчания и бесконечным потоком слез. Только Лукас пребывал в состоянии радостного ожидания и возбуждения – в свои шесть лет он еще не понимал, что вряд ли когда-нибудь вернется домой.

Документы были готовы, Пауль заплатил эмиграционный налог, а благодаря генералу рейх выдал разрешение на выезд. Власти с нескрываемым удовлетворением выпускали из Германии неугодных граждан. Для них в стране становилось тремя евреями меньше, что вполне соответствовало государственному плану: или заставить людей эмигрировать, или лишить всех прав и превратить в преступников. Гитлер целенаправленно «очищал Германию от евреев», а Николас и его дети неожиданно попали в жестокий капкан.

Все шестеро молча смотрели, как грузили в поезд контейнер с лошадьми, а потом так же молча поднялись в вагон и заняли свои места. Говорить было не о чем, все высказали вчера: надежды и мечты, сожаления и опасения, тревоги и боль разлуки. Пассажиры смотрели в окно, Марианна с Тобиасом крепко держались за руки и с трудом сдерживали слезы. Когда поезд остановился на вокзале Борнховена, у Николаса застрял в горле комок, а Алекс пошел вместе с ним проверить, как контейнер перегрузят на корабль: оба страшно боялись, что контейнер сорвется с крана. Но вот контейнер аккуратно опустился на палубу, и в этот момент Николас с особой ясностью понял, что сделал для него Алекс, придумав невероятный план спасения и подарив лошадей. Новая жизнь, свобода и безопасность – вот чем он обязан другу. Хотелось верить, что когда-нибудь удастся достойно отблагодарить его, но разве это возможно? Алекс избавил от страшной судьбы и подарил будущее. Николас прошептал слова признательности, они обнялись, и каждый мысленно спросил себя, не в последний ли раз.

Глава 4

Когда лошадей благополучно погрузили на корабль, дружная компания снова собралась вместе. Пассажиры и провожающие не спеша поднимались на палубу, чтобы прогуляться и посмотреть каюты, однако Николасу не хотелось уходить с пристани. Он проводил на родной земле последние минуты, а взойти по трапу означало навсегда потерять все, что знал и любил. Особенно тревожила мысль об одиночестве отца. Он повернулся и заговорил очень тихо, чтобы не услышали окружающие:

– Может быть, все-таки приедешь в Америку, папа? Пожалуйста! Так не хочется оставлять тебя здесь! Будешь работать в цирке вместе с нами. Уверен, что тебе тоже окажут финансовую поддержку. – Пауль вполне мог отправиться на следующем пароходе: ему опасность не грозила, так что можно было спокойно собраться. Однако отец горестно покачал головой и взглянул полными боли глазами.

– Пойми, сынок, не могу. Не имею права бросить поместье, ведь нужно сохранить наследие предков для тебя и твоих детей. На Третий рейх надеяться нельзя. Похоже, что власти поставили целью разрушить страну до основания. Хочется сберечь хотя бы малую ее часть, чтобы при первой же возможности передать вам. – Чувство ответственности, долг перед предками и потомками удерживали Пауля на родине, однако сердце отправлялось в далекий путь вместе с Николасом, Тобиасом и Лукасом. После их отъезда в Германии не оставалось ничего родного, кроме самой земли. Отныне Пауль превращался в хранителя собственности – иного смысла жизнь не имела. Прощание с сыном и внуками причиняло невыносимые страдания. Хорошо, что год назад они с Николасом приняли меры, чтобы освободить Тобиаса от вступления в гитлерюгенд – молодежную фашистскую организацию. Знакомый доктор выдал письменное заключение о том, что юноша страдает астмой и не в состоянии посещать многолюдные собрания. Пауль решительно отказывался иметь хотя бы что-то общее с фашистским государством и уж тем более ни за что бы не согласился отдать Гитлеру собственных внуков. Ну а теперь он ненавидел нацистов еще яростнее за то, что те выгнали с родной земли сына и внуков.

– Буду очень скучать, папа, – тихо проговорил Николас. Вместо ответа Пауль опустил глаза: говорить он не мог. Разве найдутся на свете слова, способные выразить страдания покинутого отца?

Несколько минут они стояли в молчании, пока не подошел Алекс.

– Хочу проверить лошадей, – озабоченно пояснил он. В контейнере находились восемь животных: Плуто, Нина и шесть арабских скакунов – два жеребца и четыре кобылы. Рачительный хозяин считал необходимым удостовериться, что все они благополучно перенесли железнодорожное путешествие и погрузку на корабль. Следовало собственными глазами убедиться, что все здоровы и относительно спокойны, хотя перемены не могли пройти безболезненно. Алекс самым подробным образом проинструктировал Николаса и мальчиков, снабдил своих питомцев яркой упряжью, чтобы те выглядели еще красивее, а вот деньги так и не взял. Николас понимал, что никогда в жизни не сможет совершить поступок столь же щедрый и благородный; ответить он мог только вечной любовью и преданностью – чувствами, которые питал к другу с детства. Прощание доставило мучительную боль обоим.

Один лишь Лукас пребывал в радостном расположении духа. Живому, любознательному мальчику не терпелось исследовать каждый уголок огромного лайнера, однако Николас велел подождать до отправления. Они с Алексом прошли к лошадям: животные немного нервничали, но в целом чувствовали себя хорошо. Алекс заверил, что скоро они успокоятся, привыкнут к новой обстановке и прекрасно перенесут долгое морское путешествие.

Пока отцы занимались лошадьми, Лукас беседовал с дедом, а Тобиас о чем-то тихо разговаривал с Марианной. Девушка то и дело прикладывала к глазам кружевной платочек и печально смотрела на друга.

– Мне будет очень тебя не хватать, – призналась она дрожащим голосом. С раннего детства Тобиас заменял ей младшего брата. – Пиши каждый день и рассказывай о цирке. Хочу знать все, каждую мелочь. – Она пыталась отвлечься от мрачных мыслей. Юноша серьезно кивнул и обещал писать очень часто. Вообще-то он терпеть не мог бумажную работу, но для Марианны был готов на любые жертвы.

– Будешь навещать дедушку? – с тоской спросил Тобиас и посмотрел туда, где Лукас о чем-то оживленно рассказывал Паулю и даже сумел его рассмешить, что в последнее время было почти невозможно.

– Обязательно. Постараюсь ездить к нему каждый день, – заверила Марианна.

Они посмотрели каюту Николаса и соседнюю, предназначенную для мальчиков. Обе комнаты выглядели очень элегантно – последняя роскошь, которую беженцы могли себе позволить в течение долгого времени – до возвращения в Германию. Официально разрешалось взять с собой десять имперских марок, да еще немного наличных Пауль незаметно сунул сыну в руку, а потом, уже в каюте, тот спрятал деньги под одеждой. Это все, на что можно было рассчитывать до получения от руководства цирка аванса, а потом, после оформления на работу, гонораров за выступления. Как жить втроем на зарплату, Николас не представлял, однако знал, что придется научиться. «Бугатти» он оставил Алексу и велел пользоваться машиной по собственному усмотрению. С собой же взял несколько чемоданов, два из которых были заполнены вечерними костюмами для выступлений – главным образом фраками и цилиндрами.

Беседу прервал гудок, возвестивший, что провожающим пора покинуть корабль. Громкий звук поверг всех в панику: Тобиас вцепился в Марианну, словно боялся утонуть, и оба заплакали. Николас бросился обнимать сначала отца, а потом Алекса. На минуту оба замерли, закрыв глаза, как братья перед вечной разлукой. Напоследок Николас поцеловал Марианну, а она склонилась и поцеловала в щеку Лукаса.

– Будь умным мальчиком и не женись на толстой тетеньке из цирка прежде, чем вернешься ко мне, – пожелала она на прощание. Лукас расхохотался и пообещал вести себя хорошо. Пауль уже в который раз обнял внуков и с тоской посмотрел на сына, словно стремясь навсегда запечатлеть в памяти его черты. Отъезжающие проводили остающихся на берегу к трапу, и все снова судорожно обнялись – теперь уже точно в последний раз. Пауль, Алекс и Марианна спустились на пристань. Николас не знал, почему плывут в Америку другие пассажиры – ради удовольствия или в эмиграцию, – но его собственный отъезд оказался невыносимо болезненным. Все, кроме Лукаса, заливались слезами, и только он по-детски радовался новой обстановке и мечтал о морском путешествии. Да и грядущая работа в цирке представлялась ему увлекательным приключением.

Николас отошел от трапа и облокотился на перила, не спуская глаз со стоявших на пристани близких людей. Тобиас застыл рядом, а Лукас расхаживал по палубе, разговаривал с моряками и пассажирами, но то и дело возвращался к отцу, как щенок возвращается к хозяйину. Мужчины обменивались взглядами, Марианна заливалась слезами и отчаянно махала Тобиасу, а он то и дело сдавленно всхлипывал. Грудь Пауля неровно вздымалась от сдержанных рыданий.

Но вот трап убрали, буксиры медленно потащили огромный корабль от пристани, а протяжный гудок возвестил об отплытии. Николас принялся махать, пытаясь продлить связь с теми, кого так не хотелось покидать. Рядом всхлипнул Тобиас, он крепко обнял сына. Подошел Лукас, встал с другой стороны и тоже начал махать.

Все трое не опускали рук до тех пор, пока пристань не скрылась из виду, а Пауль, Алекс и Марианна стояли неподвижно и смотрели вслед удаляющемуся кораблю. Но вот лайнер растворился в дымке, и они медленно повернулись, чтобы отправиться в обратный путь домой. Пароход «Бремен» увез тех, кого они любили. В вагоне поезда все трое молчали, и только Марианна время от времени тихонько сморкалась, нарушая тишину. Потом, измученная переживаниями, она склонила голову на плечо отца и уснула, сжимая в руке платок. В этот день пролились реки слез.

Николас решил снова проведать лошадей и позвал с собой Лукаса, однако мальчику не терпелось изучить судно. Тобиас сидел в каюте с распухшими красными глазами, слишком несчастный и опустошенный, чтобы чем-нибудь заняться.

– Мы обязательно вернемся, – пообещал отец. Юноша вежливо кивнул, хотя и не поверил. Германия превратила их в лишних людей, изгоев, не достойных жить в собственном доме, и выгнала, как грязных преступников. В паспорте у каждого стоял штамп «депортирован», хотя уехали они по собственной инициативе. Но еще оскорбительнее выглядела красная буква «J», означавшая слово «Jew» – «еврей». Отныне они лишились гражданства Германии и превратились в политических беженцев.

Вернувшись, Николас обнаружил каюту пустой. Тобиас ушел к себе, а Лукас отправился исследовать элегантный бассейн. На корабле были также курительная комната, салон и роскошный бальный зал. Лукас заявил, что хочет посмотреть вольтер с собаками. Николас разрешил, а сам медленно пошел по палубе. Во время посадки он заметил несколько хороших женщин, однако сейчас они его не интересовали: мысли сосредоточились на утраченном мире. Элегантный корабль стал последним осколком прошлого. Лукас ничего не понимал, Тобиас переживал разлуку с Марианной, и только он в полной мере ощущал глубину пропасти. Перспектива работы в цирке в чужой стране казалась болезненной, далекой от реальности причудой. Сейчас не хотелось даже думать о будущем; мысли и чувства остались на родине, дома – с отцом и другом. Таким несчастным и разбитым Николас фон Бинген чувствовал себя лишь однажды, в трагические дни смерти жены и дочери. Он простоял на палубе до тех пор, пока холод не заставил вернуться в каюту. Лег на кровать и попытался уснуть, однако сон не приходил. Обреченно встал, оделся и снова пошел к лошадям. Взял одну из щеток, которыми щедро снабдил Алекс, и принялся чистить Плуто. Жеребец ответил на заботу благодарным взглядом.

– Хороший мальчик. – Николас ласково погладил любимца по белоснежной гриве и вернулся к работе. Всех лошадей крепко привязали, чтобы они не поранились в случае качки, так что несколько дней им предстояло провести в неподвижности. Хотелось верить, что море останется спокойным и все животные благополучно перенесут путешествие. Жаль было бы потерять кого-нибудь, даже не добравшись до Америки. Алекс настоял, чтобы друг взял заряженный пистолет – на крайний случай, если вдруг придется избавить раненую лошадь от мучений. Нет, только не это! Больше всего Николас тревожился за липицианов – самый драгоценный груз и билет в новую жизнь.

Он провел с лошадьми немало времени, а когда вернулся на палубу, то обнаружил, что сыновья играют в шаффлборд и увлеченно беседуют с двумя девочками. Тобиас уже выглядел не таким удрученным, как прежде, а Лукас с восторгом размахивал огромной для его роста битой и изо всех сил пытался произвести впечатление на барышень. Судя по их смеху, ему это неплохо удавалось. По возрасту девочки были ближе к нему, чем к старшему брату. Впрочем, вскоре они убежали, а Лукас тут же потерял интерес к игре и подошел к сидящему в шезлонге отцу, чтобы рассказать о своих приключениях. Он уже успел облазить весь корабль – точнее, зону первого класса, так как нижние палубы оказались закрытыми.

– А мы будем купаться в бассейне, папа? – с надеждой спросил Лукас, и Николас кивнул. Общение с детьми отвлекало от мрачных мыслей; хотелось, чтобы морское путешествие запомнилось им как счастливое время – возможно, последнее перед вступлением в неизвестность.

Мальчики пошли в кино, а Николас остался на палубе, продолжая прогуливаться и не забывая регулярно навещать лошадей. Когда же наступило время чая, он вошел в салон, где пассажирам первого класса предлагался богатый буфет. Еда на корабле заслуженно славилась разнообразием и высоким качеством, однако аппетита не было. Единственное, чего хотелось, – это горячего чая. Правда, за ним последовала изрядная порция крепкого солодового виски.

– Насколько могу судить, вы везете контейнер с арабскими лошадьми, – с интересом заметил один из пассажиров. Представился он как американец из штата Кентукки и рассказал, что сам владеет конюшней, а в Германию ездил, чтобы купить несколько гунтеров и двух скаковых лошадей: они отправятся на другом пароходе в сопровождении специально нанятых тренеров. Звали нового знакомого Богарт Томпсон.

– Куда вы их везете? – поинтересовался мистер Томпсон с протяжным южным акцентом, который фон Бинген с трудом понимал. Он привык к строгим британским интонациям, а не к американскому произволу.

– Во Флориду, – лаконично ответил Николас, и собеседник почтительно кивнул. Перевозка за океан восьми лошадей арабской породы свидетельствовала об огромном богатстве.

– Ехать вместе с ними – мудрое решение, – похвалил новый знакомый. – Можно самому наблюдать, как животные чувствуют себя во время путешествия. Был бы рад когда-нибудь взглянуть, – предложил он вежливо. Николас кивнул и с удовольствием пригубил виски. Напиток приятно согрел и дарил успокоение после трудного, наполненного бурными переживаниями дня.

– Разумеется, – любезно согласился он и небрежно добавил, не уверенный, что собеседник знает, о чем речь: – Вот только аравийцев там всего шесть, а еще двое – липицианы.

– О боже! – ошеломленно воскликнул американец. – Вот кого я хотел бы увидеть! Вы везете их, чтобы показывать?

Николас криво усмехнулся и кивнул. Он вез их, чтобы «показывать» в цирке. Известие наверняка шокировало бы Томпсона своей вульгарностью.

– С удовольствием предоставлю вам возможность взглянуть, – пообещал Николас, и, весьма довольный, американец ушел, чтобы разыскать жену, которую оставил в роскошном корабельном бутике.

После кино Тобиас и Лукас нашли отца в каюте. Все трое отправились купаться в бассейне, а потом, прежде чем переодеться к обеду, Николасу вместе со старшим сыном пришлось чистить стойла. Подобной работой он занимался только в детстве и юности, однако сейчас она вовсе не показалась ни трудной, ни отвратительной. Напротив, близкое общение с лошадьми наполнило теплым чувством сопричастности. Особенно ласково вел себя Плут: белоснежный красавец тыкался мордой всякий раз, когда хозяин проходил мимо, словно хотел поздороваться. Нина выглядела крайне расстроенной. Аравийцы тоже нервничали, но в целом чувствовали себя неплохо. Главное, что все лошади нормально ели и пили.

Закончив работу и ликвидировав навоз согласно корабельной инструкции, Николас и Тобиас вернулись в каюты, чтобы принять ванну и переодеться. Этикет требовал явиться к обеду в парадном костюме. Не касалось это только Лукаса, которому предстояло обедать в каюте под присмотром стюарда. Мальчик был еще слишком мал для торжественного выхода, да и сидеть вместе со взрослыми ему было бы скучно, тем более что стюард пообещал снова отвести его в собачий загон. По словам Лукаса, на корабле собралось множество собак. Сами они везли только лошадей.

Николаса и Тобиаса пригласили за капитанский стол. Гости заняли свои места и представились. Среди соседей оказалась гламурного вида пара из Берлина: супруг принадлежал к известной банковской семье и собирался навестить родственников в Нью-Йорке. Довольно известная немецкая актриса рассматривала Николаса с нескрываемым интересом, однако он предпочел не заметить откровенного призыва, тем более что дама была лет на двадцать старше его и слишком много пила. Дальше сидели супруги из Италии, британский писатель, чье имя Николас слышал, но книг не читал, и прелестная француженка по имени Моник: первым делом она упомянула о своем вдовстве. Муж ее был немцем и владел замком в Тироле. Дальше сидели две пары из Германии – судя по всему, очень богатые, но при этом совсем не интересные.

После обеда все поднялись на верхнюю палубу в один из баров, чтобы продолжить вечер с кофе, крепкими напитками и сигарами. Заиграл оркестр, и начались танцы. Тобиас сразу попросил разрешения уйти, и отец не стал его удерживать. Сам же он пригласил на танец Моник и продолжал танцевать даже после того, как капитан и некоторые из гостей ушли. В баре оставалось множество пассажиров, царило приподнятое, оживленное настроение. Несмотря на тяжкие переживания, Николас с удовольствием беседовал с очаровательной французской вдовой, которая не только была хороша собой, но и прекрасно танцевала. Его не оставляло странное ощущение: все происходящее казалось нереальным, а сам он словно повис между двух миров. На несколько мгновений удавалось погрузиться в царившую на корабле атмосферу роскоши и притвориться, что ничего не случилось. Однако правда давила болезненным грузом, и забыться удавалось только с помощью виски. Молодая француженка почувствовала его душевный разлад, однако прямых вопросов задавать не стала.

– Едете в Америку, чтобы навестить друзей? – деликатно осведомилась она, и Николас кивнул. Он вовсе не собирался объяснять, что вместе с сыновьями намерен поступить на работу в цирк, а родину покинул ради спасения жизни. – И я тоже, – продолжила Моник, вздохнув. – В Германии стало так скучно: только митинги, марши и речи. Муж умер полгода назад, вот я и решила навестить сестру. Она живет в Бостоне вместе с супругом, очень довольна. Поженились они в прошлом году и сейчас ожидают первого ребенка.

Еще Моник рассказала, что ее замок расположен неподалеку от Мюнхена, а детей у нее нет. Судя по количеству драгоценностей, супруг оставил после себя щедрое наследство. Во время танца она упомянула, что он был на сорок лет старше, а самой ей Николас не дал бы больше тридцати.

Моник была восхитительна. Они станцевали несколько вальсов и фокстротов, но особенно сильное впечатление она произвела в танго. Пара выглядела потрясающе, и многие даже перестали танцевать, чтобы посмотреть. Потом Николас и Моник долго смеялись. Не оставалось сомнений, что она находила его весьма привлекательным. Он был о ней того же мнения, однако не имел ни склонности, ни возможности затеять корабельный роман. Жизнь разбилась вдребезги, и делить осколки с посторонним человеком было бы непорядочно, хотя Моник и давала понять, что готова на большее. Они долго беседовали, а в два часа ночи он проводил ее до каюты и на прощание услышал, что вечер прошел чудесно.

– Мне наше общение тоже очень понравилось, – с улыбкой ответил Николас. Он не ожидал, что тяжелый день закончится настолько приятно, но Моник вернула радость жизни. К тому же он всегда любил танцевать и танцевал прекрасно.

– Я познакомилась с вашим младшим сыном. Он просто чудо!

– Большое спасибо, мальчишка действительно хорош, – искренне согласился Николас. – Полагаю, он уже успел подружиться со всеми, включая матросов. Времени зря не теряет и с удовольствием участвует в светской жизни.

– Как и я, – с чувством добавила Моник и взглянула с особенным выражением. – Мне очень понравилось с вами танцевать, тем более что вот уже несколько месяцев не танцевала совсем.

– У вас превосходно получается, – искренне похвалил Николас. Ей бы хотелось, чтобы галантный кавалер потребовал большего, однако в глазах его застыла глубокая печаль; было ясно, что путешествие радости не доставляет. Господин держался в высшей степени благородно, однако спрятать боль ему все равно не удавалось. Казалось, он потерял очень дорогого человека. На самом же деле в тот день Николас фон Бинген лишился родины и навсегда попрощался с отцом и лучшим другом. Моник предполагала, что он расстался с женщиной, но утрата была намного значительнее: на далеком берегу Европы осталась вся его жизнь.

– Спасибо за комплимент, – кокетливо ответила француженка. – Может быть, удастся продолжить успешное партнерство? Кажется, завтра нам обещают казино, а послезавтра предстоит маскарад. – На каждый вечер было запланировано особое развлечение, и она приготовила множество туалетов. Николас уже успел оценить изысканность и наряда, и фигуры. Для кого-то Моник оказалась бы желанной добычей, но только не для него, особенно в эту минуту. Ему хватало и здравого смысла, и хороших манер, чтобы трезво оценить обстановку и сохранить нейтралитет. Отныне эта сторона жизни закрыта: ему нечего предложить женщине, ни о стабильности, ни о приятной жизни говорить не приходится. Все это в прошлом. Николас пытался противостоять приступу меланхолии, хотя все еще остро переживал события ушедшего дня. Больше того, он до сих пор пребывал в состоянии шока, и Моник это видела.

– Буду счастлив проводить вас в казино, – любезно произнес фон Бинген, хотя и не собиравшись пускаться в азартные игры с теми мизерными деньгами, которыми располагал. Отец оплатил поездку в первом классе, а наличные следовало строго экономить, чтобы впоследствии потратить на обустройство детей. Беззаботное, полное удовольствий существование внезапно кануло в прошлое. Николас мгновенно повзрослел и начал понимать, что случайная игра даже на несколько сотен марок отныне не для него, в то время как для молодой вдовы подобный проигрыш определенно ничего не значил. Разница в жизненных обстоятельствах категорически исключала даже легкий флирт. Став чужим в собственной стране, потеряв привычный с детства мир, он больше не принадлежал к кругу богатых и беззаботных. Моник не могла проникнуть в суть трагедии, однако сам он ясно понимал пропасть между собой прежним и нынешним странным существом, больше похожим на привидение. А еще через неделю он превратится в циркового наездника. Сюрреалистический поворот судьбы приводил в ужас, сознание отказывалось принимать новое состояние.

– Спокойной ночи. Увидимся завтра, – произнесла Моник, обольстительно улыбнулась и скрылась за дверью. В глубокой задумчивости Николас направился к себе. Истинного вожделения он не испытывал, однако если бы что-то подобное случилось, прикоснуться к ней он бы не смог. Их разделяла непреодолимая пропасть.

Прежде чем вернуться в свою каюту, Николас зашел к мальчикам. Оба крепко спали, а Лукас по обыкновению прижимал к груди любимого плюшевого медвежонка, с которым никогда не расставался. И на нем была любимая голубая пижама. Лицо Тобиаса во сне выглядело спокойным, даже умиротворенным – лицо чистого мальчика. Николас вернулся к себе, сел в глубокое кресло и зажег сигару. Предстояло обдумать все, что произошло. Налил рюмку коньяка и долго сидел в темноте, при свете луны, глядя на яркий огонек сигары и пытаясь предугадать будущее.

Глава 5

Вечер в казино в обществе Моник прошел так же приятно, как и предыдущий. Когда игра закончилась, они много и с удовольствием танцевали. Николас всегда любил риск в разумных пределах, но сегодня только дважды сыграл в рулетку, да и то на небольшие суммы. И проиграл. Моник выиграла пятьсот марок, а он проявил осторожность и больше рисковать не стал.

Мальчикам на корабле очень нравилось, погода стояла прекрасная, лошади чувствовали себя хорошо. Но на третий вечер, в середине пути, во время маскарада, разыгрался самый настоящий ноябрьский шторм. Корабль метался по волнам, словно щепка. Извинившись перед Моник, совершенно не подверженной морской болезни, Николас отправился проверить сыновей и лошадей. Мальчики, к счастью, от качки не пострадали и отлично проводили время в своей каюте, а вот несчастные животные обезумели от страха, и несколько часов подряд Николас напрасно пытался их успокоить. Да и что он мог сделать? Только оставаться рядом, гладить, похлопывать и ласково уговаривать. Ощутимой пользы уговоры не приносили, но уйти и оставить лошадей на произвол судьбы Николас не мог: так много они значили в его судьбе и судьбе его детей. Глубокой ночью, когда шторм разбушевался с невиданной жестокостью, случилось самое страшное: Плуту печально взглянул на хозяина и лег – зловещий знак. Николас отлично понимал, что произойдет, если прекрасный жеребец перестанет держаться на ногах, однако остановить любимца не мог. Знал он и то, что если конь не поднимется через несколько часов – самое большее, в течение дня, – то умрет. Появиться во Флориде с одной лошадейю липицианской породы, а тем более без обещанного жеребца, было невозможно. Нина, конечно, очаровывала неподражаемой грацией, но главным в паре оставался, несомненно, Плуту: он привлекал всеобщее внимание безупречной чистотой породы, красотой, силой и статью.

Николас оставался рядом всю ночь, но к утру положение не улучшилось. Шторм усиливался. Чтобы справиться с нарастающей паникой, он вернулся в каюту, переоделся и пошел в столовую на завтрак. Мальчики почувствовали себя неважно и остались у себя. О болезни Плуту отец не сказал им ни слова; если конь откажется встать, еще настанет время для ужасной новости. И все же он продолжал надеяться, что, когда шторм окончится, красавец все-таки найдет силы подняться.

В столовой Николас встретил Богарта Томпсона. К завтраку собралось всего несколько пассажиров. Большинство страдали от морской болезни и не смогли выйти из кают. Американец сказал, что его жена чувствует себя очень плохо. Сам он, однако, оказался крепким орешком, а Николас никогда не боялся никакой, даже самой жестокой качки. Он признался, что один конь занемог, и попросил совета.

– К сожалению, сделать ничего нельзя, – озабоченно ответил Томпсон. – Остается только ждать, не поднимется ли бедняга сам. Как правило, если жеребец лег, то это смертный приговор. Сколько часов он уже лежит? – Николас ответил, и Томпсон понимающе кивнул. – В прошлом году то же самое случилось с моей кобылой. Я надеялся, что она все-таки встанет на ноги и выживет, но напрасно. Через два дня пришлось застрелить. Да она и сама бы через пару часов скончалась. Если этот чертов шторм скоро стихнет, шанс на спасение есть, но если и дальше будет так же швырять, боюсь, все кончится плохо. Скорее всего, у него морская болезнь. – От подобного комментария настроение испортилось окончательно. – Если хотите, после завтрака на него взгляну, – предложил американец.

Они вышли из столовой, и Николас повел нового знакомого на нижнюю палубу. Аравийцы выглядели испуганными, однако крепко держались на ногах. Нина, безусловно, отчаянно страдала, но тоже пока стояла. Плуту оставался в той же позе, что и раньше – лежа

на полу на прежнем месте. Он горестно взглянул на хозяина и безнадежно опустил великолепную голову.

– Господи, что за красота! – изумленно воскликнул Богарт. – Какого он роста?

– Чуть больше шестнадцати ладоней. Для липициана немало.

– В жизни не видел ничего прекраснее, – восхищенно выдохнул американец. – Просто невероятно. – Даже в столь плачевном состоянии Плуто производил неизгладимое впечатление. – Вы просто обязаны его спасти.

– Да, но каким образом? – испуганно спросил Николас. Казалось, жеребец тает на глазах. Неужели придется сообщить Алексу, что лучший, самый любимый из его питомцев даже не доехал до Нью-Йорка?

– Увы, сделать ничего нельзя. Остается только надеяться и молиться, что конь все-таки найдет силы пережить испытание. Он молод. Если захочет, выдержит.

Богарт Томпсон постоял еще немного, а потом ушел к себе, чтобы проведать страдавшую от качки жену. Николас провел с лошадьми весь день. Стюарды обещали присмотреть за мальчиками; к тому же Тобиас и сам мог прекрасно развлечь Лукаса. Через некоторое время шторм немного утих, однако Плуто слабел на глазах, не шевелился и почти не реагировал на разговоры и поглаживания.

К вечеру Николас впал в отчаяние. Уже не оставалось сомнений, что жеребец не справится с болезнью и жить ему осталось несколько часов, не больше. Лежа он не мог ни есть, ни пить. Николас достаточно знал лошадей, чтобы понять: конец близок. В какой-то момент он даже подумал, что пришла пора взять пистолет и прекратить страдания несчастного животного, однако решиться все-таки не смог. Он продолжал безвольно сидеть рядом, бормоча бессвязные слова, глядя безвольно поникшую голову и заливаясь слезами. Сердце разрывалось от нестерпимой боли.

И вот, наконец, он лег рядом с Плуто – голова к голове – крепко его обнял и принялся умолять остаться в живых.

– Знаю, что тебе мои слова покажутся глупыми. Ты заслуживаешь лучшей доли, чем работа в цирке, но мне ты необходим ради сыновей. Без тебя мы во Флориде не нужны, и мне нечем будет кормить Тобиаса и Лукаса. Если не приедешь в цирк вместе с нами, будет очень плохо. Клянусь вечно о тебе заботиться, ведь я обязан тебе всей жизнью. От тебя зависит благополучие моих мальчиков. Умоляю, только не умирай... пожалуйста... ты нужен нам больше всего на свете... сделаю для тебя все, что смогу. Обещаю. – Слезы текли по лицу и капали на пол.

Шторм неожиданно стих. Качка полностью прекратилась. Словно тоже это заметив, Плуто слегка приподнял голову, внимательно посмотрел на хозяина и едва заметно кивнул. Потом устрашающе вздрогнул, заржал и с огромным усилием поднялся на слабых, дрожащих ногах. Николас смотрел зачарованно, не веря собственным глазам. Плуто встал! Теперь он сможет есть и пить, а значит, не умрет! Великолепный липициан поверил новому хозяину, принял решение и совершил подвиг.

Николас обнял коня, прижался щекой к голове и зарыдал в голос. Ни разу в жизни он не испытывал благодарности столь глубокой. Смерть главного героя по пути во Флориду нанесла бы самый жестокий удар из всех, что посылала судьба. И вот Плуто возвращается! Николас предложил воды; конь благодарно взглянул и начал жадно пить. Потом повернулся и посмотрел на остальных. Нина радостно заржала в своем стойле, приветствуя друга. Николас провел в контейнере еще час, чтобы убедиться, что Плуто не ляжет снова. К счастью, он с аппетитом ел и выглядел заметно лучше.

Фон Бинген сразу отправился разыскивать Богарта, но на палубе не нашел и постучал в дверь каюты. Томпсон открыл, удивился и сказал, что ухаживал за женой.

– Как он? – мрачно спросил американец, не сомневаясь, что попутчик пришел, чтобы сообщить о гибели липициана. Надежды на спасение не оставалось: жеребец лежал слишком долго.

– Встал, – с широкой улыбкой ответил Николас, и Томпсон остолбенел от изумления.

– Не могу поверить. Когда я его видел, он доживал последние часы. – Николас согласно кивнул. – Как вам удалось его поднять?

– Разговаривал. Умолял встать, и в конце концов он согласился. – Радость и облегчение захлестывали и кружили голову.

– Значит, вы лучше меня. В прошлом году мне так и не удалось поднять свою кобылу, что бы я ни делал. Трижды приглашал ветеринара, и все-таки ничего не помогло. Правда, должен признаться, что не умолял ее подняться. – Он рассмеялся. – Что ж, поздравляю. Молодец! – Он похлопал Николаса по плечу. – После обеда выпьем за его здоровье, отпразднуем победу.

– Спасибо. Просто хотел, чтобы вы знали. – Николас надеялся встретить за обедом Моник. С тех пор как Плуту лег, он думал только о его здоровье и ни разу ее не видел. Она же продолжала проявлять настойчивый интерес и даже прислала в каюту бутылку шампанского с запиской, в которой признавалась, что соскучилась. Очаровательная француженка очень старалась и в более подходящее время давно бы преуспела. Но сейчас события разворачивались таким образом, что было попросту не до нее.

В свою каюту Николас вошел сияющим. Плуту вернулся к жизни, а значит, спас хозяйина и двух его сыновей. На горизонте забрезжила надежда.

Глава 6

До последнего дня морского путешествия Николас не спускал глаз с Плуто и других лошадей: все чувствовали себя прекрасно, а липициан выглядел даже сильнее, чем прежде, твердо держался на ногах, с аппетитом ел и пил. После болезни он особенно привязался к новому хозяину и всякий раз, когда Николас входил в контейнер, встречал его приветственным ржанием. Казалось, что теперь он понимает собственное значение и знает, чего от него ждут. Сам же Николас чувствовал, что приобрел верного друга.

Дневные часы он проводил с сыновьями: играл в шаффлборд, купался, стрелял по тарелочкам вместе с Тобиасом и с ним же гулял по палубе. С тех пор как Плуто поднялся, вечера проходили в обществе Моник. Прекрасная пара танцевала едва ли не до рассвета, неизменно восхищая всех присутствующих, и вообще замечательно проводила время. Танго в исполнении Николаса и Моник превратилось в достопримечательность парохода; они сногсшибательно смотрелись вместе. Француженка обладала врожденной артистичностью, обожала внимание публики, а рядом с красивым элегантным мужчиной чувствовала себя особенно уверенно. И вот наконец в последнюю ночь, проводив даму до каюты, он ее поцеловал. Пара лишних бокалов шампанского за здоровье Плуто помешала противостоять очарованию Моник и романтическому свету полной луны – тяжелой и поразительно яркой в темном ноябрьском небе. На следующий день пароход прибывал в Нью-Йорк.

– Когда собираетесь вернуться в Германию? – шепотом спросила Моник после второго поцелуя. Ей очень хотелось встретиться снова и продолжить морские радости.

– Не собираюсь, – спокойно ответил Николас, и она взглянула с удивлением.

– А я думала, что вы едете ненадолго, чтобы где-то показать лошадей.

– Останусь в Америке, – лаконично пояснил фон Бинген, не желая распространяться о том, что намерен показывать лошадей в цирке. Грядущая жизнь его смущала: цирковых артистов он всегда считал по меньшей мере странными, и вот теперь предстояло стать одним из них. Вряд ли когда-нибудь удастся привыкнуть к новому положению.

– Существует ли особая причина, по которой вам придется остаться? – со страхом и подозрением уточнила Моник. Она знала, что в последние годы люди начали покидать Германию ради спасения собственной жизни, однако элегантный светский господин не имел с ними ничего общего.

– Да, – признался Николас и оперся спиной на перила. Лгать не хотелось. Конечно, лучше было бы ничего не объяснять, но ведь она добивалась ответа.

– Вы еврей? – спросила Моник с особым любопытством. Трудно было поверить, что это возможно: имя, титул и внешность говорили о знатности, богатстве и – главное – благородном происхождении.

– И да, и нет, – честно ответил Николас. – До недавнего времени, в обычной, нормальной жизни, я им не был. А в гитлеровской Германии, кажется, внезапно стал. Дело в том, что своей матери я никогда не знал. Родители развелись сразу после моего рождения, а несколько недель назад мы с отцом узнали, что она была наполовину еврейкой. По законам нацистов и я сам, и мои сыновья – тоже евреи и подлежим отправке в трудовой лагерь. Спасение только в эмиграции, поэтому мы плывем в Америку.

Слова поразили Моник, причем он не мог понять, какое из известий ее шокировало: то, что он едва избежал страшной участи, или то, что его мать была еврейкой.

– Какой ужас, – наконец прошептала она с откровенным сочувствием. – И какой абсурд. Что же будете делать? – Моник выглядела встревоженной и расстроенной, что подтверждало ее доброту. Николас невесело рассмеялся.

– Выбор небогат. Никакой профессии у меня нет, ничего делать толком не умею. Возможно, смог бы работать учителем танцев, шофером или конюхом. Не могу сказать, что занятия эти очень привлекательны, а на раздумья оставалось лишь несколько недель. Друг дал лошадей – тех самых, которые едут в Америку вместе с нами. Две из них липицианской породы и отлично выучены для представлений. Собираюсь работать в цирке в качестве наездника. – Он удрученно покачал головой. – Младший сын в восторге. Не могу сказать, что разделяю его радость, но благодарен хотя бы за то, что смог вывезти детей из Германии и найти работу. Так что, дорогая, ночи напролет вы танцевали с цирковым артистом. Боюсь, узнав об этом, ваши друзья были бы шокированы – как, впрочем, и мои тоже.

Высказав все, что тяготило душу, Николас почувствовал себя одновременно и хуже, и лучше. Хуже потому, что нелепость ситуации составляла сущность реальности, а лучше потому, что нелепость вызывала не слезы, а смех. Не найдя достойной реакции, Моник расстрелянно засмеялась.

– Вы серьезно? – Показалось, что он шутит, разыгрывает. Но нет, тяжелый взгляд доказывал иное. Более странной истории не приходилось слышать ни разу в жизни. Обычно из Германии уезжали доктора и юристы – настоящие евреи, – но только не такие образцовые аристократы, как Николас.

– Абсолютно серьезно. Из Нью-Йорка повезу сыновей и лошадей в штат Флорида, где нас нанял самый известный в мире цирк. Эти добрые люди помогли вырваться из Германии и предложили работу, за что я им безмерно признателен. Боюсь, вы появились в моей жизни с небольшим опозданием. Еще месяц назад я бы ухаживал за вами самым изысканным и благородным образом, а после возвращения на родину наносил бы вам визиты. А теперь вот перезимую во Флориде в обществе клоунов, акробатов и прочих экстравагантных личностей, а оставшиеся девять или десять месяцев года буду вместе с ними колесить по всей Америке. Зато смогу посылать почтовые карточки с видами самых разных уголков Соединенных Штатов.

И горькие слова, и то выражение, с каким Николас их произнес, показались невыносимыми. Он до сих пор не смирился с жестоким ударом судьбы.

– Даже представить не могу, что все это правда, – искренне призналась Моник.

– И я тоже. И все-таки цирк в Америке лучше, чем концентрационный лагерь на границе с Чехией и смерть детей от голода и болезней. У нас не было выбора.

– Вы очень мужественный и смелый человек, – тихо произнесла Моник, потрясенная тем, что только что услышала.

– Нет. Я тот человек, которого выгнал из дома и из родной страны сумасшедший, одержимый навязчивой идеей очистить титульную нацию и захватить мир. Евреи не вписываются в его планы, мешают достижению гармонии. И вот по иронии судьбы я вдруг оказался одним из них. Унижение почти невыносимое: буквально за одну ночь скатился с верхней ступеньки лестницы в грязную яму.

– Вам кажется, что Гитлер действительно настолько страшен? – Судя по рассказу, так оно и было, и все же верилось с трудом. До сих пор политика фюрера ее не касалась, если не считать отъезда любимой модистки и известного в Мюнхене доктора, которому она доверяла. А в остальном Моник особого ущерба не ощущала, тем более что доктор все равно собирался закрыть практику и уйти на покой.

– Значительно страшнее, чем все мы в состоянии представить, – ответил Николас с горькой усмешкой. – Теперь, когда стало ясно, чем он занялся в первую очередь, следует ожидать ужасных перемен. Мои дети и я – вполне показательный пример. А если бы отец давным-давно не развелся с матерью, то считался бы преступником только потому, что женат на еврейке. В наши дни брак христианина с иудейкой и наоборот противоречит закону. К счастью, брак распался. Он не смог бы пережить лишений: потери наследия предков,

утраты гражданских прав, унижения человеческого достоинства. Насильственное расставание с родиной стало бы для него мучительной трагедией.

– А ваш отец собирается приехать в Штаты? – с искренним любопытством спросила Моник. Признание превратило красивого, но отстраненного, слегка высокомерного мужчину в реального, глубоко страдающего человека. Николас покачал головой.

– Нет, он останется дома, чтобы оберегать нашу землю. Это единственное, что ему дорого в жизни, – конечно, не считая сына и внуков. Отец предан долгу, чести и традициям и будет управлять поместьем вплоть до моего возвращения. Одному богу известно, когда это произойдет. Скорее всего, только после того, как Гитлер уйдет в отставку или кому-нибудь удастся его свергнуть или пристрелить. Кстати, неплохая идея! – Здесь, на борту парохода, по пути в Америку, он не боялся открыто произнести подобные слова. – Но даже после возвращения на родину вступить в наследство можно будет только тогда, когда закон о евреях будет отменен. А сейчас ни я, ни мои дети не имеем права владеть недвижимостью.

– Как вы думаете, может начаться война? – с заметным испугом спросила Моник.

– Не знаю. Говорят, что нет, но мне кажется, что множество признаков свидетельствует об обратном. Митинги больше похожи на призывы к оружию. Боюсь, Гитлер не остановится до тех пор, пока не завоюет всю Европу. Жадность его неутолима, Австрия – это только начало. – Сомнений уже не оставалось.

– Да, он очень амбициозен, – согласилась Моник. – И сейчас повсюду военные. Когда я в последний раз была в Мюнхене, они маршировали повсюду и почти все – СС, элитные войска.

– Я тоже это заметил, – кивнул Николас. Нам удалось уберечь Тобиаса от вступления в гитлерюгенд, потому что в детстве он болел астмой, а доктор наш оказался человеком понимающим. Мне совсем не хотелось, чтобы мальчик расхаживал в униформе и как попугай твердил их лозунги. Зато теперь ему предстоит выступать в цирке вместе с клоунами. Чертовски удачный выбор!

– Уверена, что вам позволят вернуться, причем очень скоро, – попыталась утешить Моник, однако Николас идею не принял.

– А вот я почему-то совсем не уверен. К тому же, дорогая, боюсь, что тот человек, который приедет из Флориды, вас уже не заинтересует.

– Не говорите глупостей, – строго отчитала Моник и заговорщицки зашептала: – Когда я встретила своего мужа, была простой маникюршей. Он на мне женился и изменил мою жизнь. Конечно, это был не цирк, но и в высшем свете, подобно вам, я не родилась, а попала туда исключительно благодаря Клаусу. Если кто-то позволял себе об этом упомянуть, он очень переживал. Даже нанял специального преподавателя, чтобы научить меня правильно держаться и говорить. – Признание поразило необыкновенной искренностью и прямоотой. Пожалуй, только танец слегка выдавал истинное происхождение Моник: для благородной дамы она двигалась чуть-чуть откровеннее и раскованнее, чем следовало, а танго исполняла так, как не позволила бы себе ни одна леди. Но подобные мелочи значения не имели, особенно теперь. Она была хорошей, милой женщиной, и Николасу нравилось с ней разговаривать.

– Если вас вдруг тоже вышвырнут из Германии, – заметил он с мрачной иронией, пытаюсь пошутить над собственной болью, потому что знал, ни один из идиотов Третьего рейха не в состоянии соперничать с ним в аристократизме, – мы сможем организовать танцевальный номер, например в цирке. Но только это вряд ли произойдет, поскольку вы не еврейка.

– Не еврейка, – подтвердила Моник. – Так же, как и вы.

– Нацисты считают иначе, и в какой-то мере справедливо. Я – часть той нации, которую они намерены уничтожить, потому что считают грязной и преступной.

– Мы когда-нибудь увидимся снова? – печально спросила Моник. Прежде чем ответить, Николас долго молчал.

– Скорее всего, нет, – наконец спокойно произнес он. – Не вижу возможности. Вы прекрасно проведете время с сестрой и ее новорожденным ребенком, а потом вернетесь в Германию, к той привычной жизни, которую создал для вас муж. А я останусь в Америке, на арене цирка, вместе с клоунами.

– Не говорите так, – дрогнувшим от неподдельной жалости голосом остановила Моник.

– Почему же? Это правда. Лучше привыкнуть к ней как можно скорее. Такой жизни вы не захотите. – Возражать она не стала, потому что так оно и было на самом деле. – Мы можем писать друг другу, но о чем-то большем пока говорить трудно.

Моник поняла, что все это время Николас держался отстраненно и даже ни разу не поцеловал по-настоящему вовсе не потому, что она ему не нравилась, а по причине, о которой рассказал пару секунд назад. Если не считать танцев, он сознательно стремился соблюдать дистанцию, и теперь стало ясно почему. По отношению к ней он вел себя как истинный джентльмен. Проявляя благородство и доброту, старался оградить ее от сумбура, в котором неожиданно оказался сам, и от неведомой жизни в чужой стране. Он даже не хотел, чтобы Моник видела эту жизнь, и радовался, что уже через месяц она вернется в Германию, к ставшему привычным безмятежному благополучию, которого сам он уже никогда не узнает. Факт тем более знаменательный, что он родился в обстановке богатства и знатности, а она нет.

Николасу нравилась Моник, а бесстрашное признание заставило взглянуть на нее новыми глазами. И ей тоже была симпатична его благородная прямота. Он не пытался скрыть жестокий удар судьбы и собственную горечь и от этого стал еще более привлекательным, чем прежде. Из красивого экстравагантного аристократа превратился в живого, страдающего человека, чей рассказ рождал в душе глубокое сочувствие. Сейчас Моник поняла, что обрела друга. Николас снова ее поцеловал, но без тени страсти. Да, француженка покоряла очарованием, однако судьбы их текли в разных направлениях. Цирковой наездник не ощущал собственного неотразимого аристократизма. Все, что угодно, только не это. Он поцеловал Моник в щеку, на сей раз вполне целомудренно, повернулся и пошел в свою каюту. Одно он знал точно: новая жизнь начнется с нуля и ничем не напомнит прежнюю. А какой именно она окажется, покажет время.

Той ночью Николас долго лежал без сна. Устав от мыслей, накинул на пижаму пальто, вышел на палубу и облокотился на перила. Занималась заря. Солнце медленно поднималось, и в первых его лучах корабль заходил в Нью-Йоркскую гавань. Пассажиры спали; лишь он один увидел статую Свободы. Подоспели юркие буксиры, и к семи часам, в ярком утреннем свете, пароход «Бремен» причалил к пристани. Хотел того Николас фон Бинген или нет, но началась новая жизнь.

Глава 7

Перед выгрузкой Николас крепко привязал лошадей, Тобиас помог вычистить стойла, а Лукас напоил каждую по очереди и наполнил овсом мешки. За время долгого плавания все трое превратились в умелых конюхов. Под присмотром хозяина портовый кран бережно перенес контейнер с палубы на грузовой дебаркадер.

С пирса на реке Гудзон лошадей предстояло перевезти на железнодорожную станцию, откуда начинался путь в Сарасоту. Прежде чем сесть в такси, Николас улучил минутку, чтобы попрощаться с Моник. Одетая в роскошную шубу и экстравагантную шляпу с вуалью, в белых лайковых перчатках на изящных руках, француженка наблюдала за разгрузкой своих многочисленных чемоданов.

– Выглядите поистине великолепно, – с улыбкой заметил Николас. – Благодарю за чудесные вечера. Давным-давно не танцевал так много и с огромным удовольствием. – В эту минуту он осознал, что благодаря новой знакомой получил благодатную передышку от удручающей реальности, последнюю возможность насладиться красивой жизнью, которую оставлял навсегда, и обществом очаровательной женщины.

– Берегите себя, – ответила она, всей душой желая, чтобы обстоятельства сложились по-иному. – Пишите хотя бы изредка.

– Обязательно буду писать, – пообещал Николас, хотя и сам слабо верил своим словам. Что интересного сможет он рассказать, когда она вернется из Бостона в привычный безопасный мир, в доставшийся от мужа тирольский замок? Станным образом она унаследовала ту жизнь, в которой он родился и которую безвозвратно потерял. Они напоминали два корабля, разминувшиеся в ночном море. Николас нежно поцеловал Моник через вуаль, снова улыбнулся и ушел; она стояла на пристани и смотрела, как он сел в машину, где его ждали сыновья. Лукас высунулся из окна, чтобы в последний раз взглянуть на пароход. Контейнер с лошадьми уже стоял на грузовике с низкой платформой вместо кузова и ждал отправки. В пересадочной суете Николас не забыл попрощаться с Богартом Томпсоном и поблагодарить за поддержку во время болезни Плуто. В ответ коннозаводчик из Кентукки крепко пожал руку и пожелал удачи.

По дороге на Пенсильванский вокзал Лукас с восторгом смотрел по сторонам и без умолку болтал, а Тобиас меланхолично молчал. Николас то и дело оглядывался, чтобы убедиться в безопасности лошадей и багажа, которые следовали в отдельной машине. Никогда еще ему не приходилось обо всем заботиться самому: прежде многочисленные слуги и подчиненные быстро и незаметно решали все возникающие вопросы. Сейчас Николас по достоинству оценил их преданность и расторопность, а заодно понял, как трудно заранее предвидеть многочисленные детали переезда и особенно перевозки лошадей. На вокзале он зашел в офис почтовой компании «Вестерн Юнион», чтобы отправить телеграммы отцу и Алексу и сообщить, что они благополучно прибыли в Нью-Йорк. Лукасу очень хотелось посмотреть город, особенно самые знаменитые небоскребы – Крайслер-билдинг и Эмпайр-Стейт-Билдинг, однако отец сказал, что на экскурсии времени нет.

Погрузка контейнера с лошадьми в поезд потребовала героических усилий. Но вот подвиг Геракла успешно завершился, и спустя полчаса все трое сидели в купе в окружении чемоданов. Наконец поезд тронулся. Несмотря на то что Нью-Йорк посмотреть не успели, Николас вздохнул с облегчением и подумал о Моник: о ее дороге в Бостон, к сестре, о легкой, приятной жизни. Она могла вернуться в Германию в любой момент по собственному желанию, а он и его сыновья стали изгнанниками. Судьба обошлась с ними жестоко, но отныне в мире царили жестокие порядки. Думал Николас и о матери. Хорошо было бы повидаться с ней перед отъездом, но времени не хватило. Внезапно в душе вспыхнула обида за то, что она

его бросила, но, с другой стороны, был ли выбор у шестнадцатилетней девочки? Желание разыскать мать не пропало, но когда теперь удастся его исполнить, да и удастся ли вообще? Если Гитлер укрепится во власти, Николас фон Бинген до конца своих дней останется эмигрантом.

– Мы больше не вернемся домой? – тихо спросил Тобиас спустя пару часов, когда Лукас уже крепко спал, убаюканный мерным стуком колес.

– Не знаю, – честно ответил Николас. Лгать и вселять напрасную надежду не хотелось. – Все зависит от того, куда дальше пойдет Германия. Пока надо обустроиваться на новом месте. – Выбора все равно не оставалось.

– В цирке? Навсегда? – с ужасом уточнил Тобиас.

– На некоторое время.

– Мне очень не хватает дедушки, – с тоской признался мальчик, и Николас понимающе кивнул. Он тоже скучал по отцу. А еще по Алексу, большому удобному дому и привычной жизни.

– И мне тоже. А ему наверняка очень не хватает нас.

Колеса безучастно отстукивали километры; поезд уносил их на юг чужой страны, в штат Флорида.

В садовый дом телеграмма пришла поздно вечером. После отъезда сына и внуков Пауль решил остаться на прежнем месте: в огромном замке без них было бы слишком пусто и одиноко. А здесь можно было сказать себе, что они скоро вернуться, ведь замок их ждет.

Он с радостью прочитал, что дети благополучно добрались до Нью-Йорка и вместе с лошадьми продолжают путь во Флориду. Николас подписал телеграмму тремя именами, и эта, казалось бы, мелочь тронула до слез. Пять дней без сына и внуков показались тоскливой вечностью. Неужели придется провести без них остаток жизни? За ночь Пауль постарел на десять лет.

В поместье Шлосс-Альтенберг Алекс тоже получил телеграмму и сразу показал Марианне, которая сидела в библиотеке вместе с отцом. Они чувствовали себя почти такими же одинокими, как Пауль. Отъезд Николаса и его сыновей стал жестоким ударом. Алекс с облегчением узнал, что лошади перенесли дорогу без потерь; разумеется, Николас ни словом не обмолвился о тяжелой болезни Плуто. Не хотелось понапрасну волновать друга, тем более что липициан окреп и чувствовал себя прекрасно. Пока их будущему ничто не угрожало.

Во время остановок Николас не ленился проведывать лошадей и обязательно поил их свежей водой. Мальчики с удовольствием пообедали в вагоне-ресторане, а потом проводник постелил им постели. Ехать предстояло всю ночь: в Сарасоту поезд прибывал утром. Лукасу очень понравилась синяя лампочка над головой, да и все путешествие показалось ему необычайно увлекательным приключением. Тобиас после обеда немного повеселел и с интересом смотрел в окно, а вот сам Николас до изнеможения устал от постоянного стресса и беспокойства то о сыновьях, то о лошадях. Внезапно на его плечи свалилось столько забот! Прежде он не представлял, что управлять собственной жизнью сложно и хлопотно, и сейчас процесс не доставлял ни малейшего удовольствия. Очень хотелось наконец-то добраться до пункта назначения, остановиться и прекратить утомительную суету. Казалось, во Флориду они ехали с края земли, и путь еще не был пройден окончательно. К счастью, в ближайшие три месяца никаких турне не предвиделось, потому что зиму цирк проводил в Сарасоте, а гастролировать начинал только в марте и в течение девяти месяцев кочевал из города в город. За это время они успеют привыкнуть к новой жизни, а редкие выступления в Сарасоте помогут войти в курс дела. Что очень важно, и он сам, и мальчики получают возможность усовер-

шенствовать свое мастерство. Жаль, конечно, что рядом не будет Алекса, так что придется довольствоваться его прежними уроками.

После бессонной ночи на пароходе и дневной суеты Николас крепко уснул под мерный стук колес, а когда проснулся, за окнами ярко светило солнце. За час до прибытия он разбудил сыновей, чтобы те успели одеться и позавтракать – снова в вагоне-ресторане. Лукас заказал почти все перечисленные в меню блюда, причем пытался говорить по-немецки, однако отец переводить не стал, а велел перейти на английский, что оказалось нелегко. Тобиас уже успел выучить язык настолько, что объяснялся довольно успешно, хотя слов ему порою не хватало. Впрочем, собеседники проявляли похвальное терпение. Николас позволил Лукасу заказать на всю семью, и тот справился, почти ничего не перепутав. Вот только оладьи назвал пирогами, чем немало озадачил официанта. Мальчики немного говорили по-французски; этому языку они научились у няни в раннем детстве и с тех пор его помнили. Английский же на первых порах можно было считать вполне сносным.

Когда поезд остановился на вокзале города Сарасота, все трое чувствовали себя так, словно путешествовали несколько месяцев, а не шесть дней на пароходе и двадцать часов на поезде. Присланные из цирка рабочие справились с выгрузкой лошадей, а двое носильщиков подхватили чемоданы. Николас остановился в растерянности, однако к нему тут же подошел человек в ярко-синем костюме, лавандовой рубашке с красным галстуком и сдвинутой на затылок фетровой шляпе. В руке, словно волшебную палочку, он держал дымящуюся сигару.

– Мистер фон Бинген? – окликнул незнакомец, и мальчики уставились на него с молчаливым недоумением: ничего подобного они еще не видели. Николас подтвердил, что он – это он, и сияющий американец широко улыбнулся. Его принадлежность к цирку сомнений не вызывала, а на вокзал он явился для того, чтобы встретить новых артистов.

– Добро пожаловать во Флориду и в самое грандиозное шоу на свете! – величественно провозгласил он, размахивая сигарой перед носом Лукаса. Парнишка сморщился и отвернулся от едкого дыма, а отец крепко пожал протянутую руку.

– Большое спасибо за то, что приехали нас встретить, – искренне поблагодарил Николас.

– Рад помочь, – ответил американец. – Меня зовут Джо Херлихай. – Он долго тряс ладонь, как будто проверял, крепко ли она держится, а потом деловито приказал рабочим поставить контейнер на платформу грузовика с ярким логотипом цирка. Точно такой же логотип красовался на двери автофургона, за рулем которого приехал он сам. Фантастический мир постепенно начинал приобретать реальные очертания.

– Как животные перенесли путешествие?

– На редкость хорошо, – ответил Николас с отлично поставленным образцовым британским произношением, потому что учил язык в Англии, в закрытой школе. Человек с сигарой изъяснялся с характерным для южных штатов тягучим акцентом, понять который оказалось нелегко.

– Ваши сыновья говорят по-английски? – поинтересовался Джо и с симпатией взглянул через плечо на заднее сиденье.

– Немного. Пока еще учатся. Мы плыли на немецком пароходе, так что говорить по-настоящему им до сих пор не приходилось, – объяснил Николас.

– Здесь они выучат язык не скоро, – ухмыльнулся Джо. – У нас в цирке тридцать две национальности, всего тысяча триста артистов и рабочих. Целая деревня. Впрочем, даже не деревня, а маленький город. – Говорил он с нескрываемой гордостью. – Я здесь уже двенадцать лет. Занимаюсь подбором персонала в Штатах, а мистер Норт нанимает людей в Европе. Ну а еще меня посылают встречать вновь прибывших артистов, как сегодня. У нас много немцев, чехов, поляков и венгров – все они тоже говорят по-немецки, так что сразу почувствуете себя как дома. – Николас подумал, что, для того, чтобы освоиться в обществе

новых коллег и привыкнуть к новым условиям, одного лишь общего языка недостаточно. Впрочем, мальчики обрадуются возможности говорить по-немецки, а Лукас будет просто счастлив и сразу найдет множество друзей. Тобиас, однако, наверняка захочет укрепиться в английском, да и самому Николасу не помешает подучиться, чтобы лучше понимать американцев. – Работают также французы, итальянцы и испанцы, – продолжал объяснять Джо. – Есть группа японских акробатов и семья гимнастов-жонглеров из Китая. Они говорят по-английски, хотя и плохо. Но все аттракционы с хищниками приехали к нам из Германии. Должно быть, в вашей стране львы и тигры пользуются особой популярностью. – Николас улыбнулся. Если и так, сам он ни о чем подобном никогда не слышал и ни разу не встречал ни отважных укротителей диких животных, ни бесстрашных акробатов и жонглеров.

Дети увлеченно смотрели по сторонам. Сарасота оказалась симпатичным маленьким городком, а Джо прилежно показывал достойные внимания места. Ехать до зимней базы цирка пришлось недолго: вскоре машина остановилась на просторной площади, похожей на ярмарочную, где бурно кипела жизнь. Середину пространства занимал гигантский шатер-шапито, где проходили местные представления. Вокруг располагались зверинцы, разнообразные павильоны, тренировочные манежи, мастерские, железнодорожная сортировочная станция и несколько обширных стоянок, занятых сотнями автофургонов. Такие же фургоны проезжали мимо ворот огромного здания, напоминающего венецианское палаццо.

– В этом дворце живет семья Ринглинг, – пояснил Джо. Николас уже знал, что этим людям принадлежит цирк; год назад, после смерти дяди, президентом корпорации стал Джон Ринглинг Норт. Бизнес целиком и полностью находился в руках одного клана, и руководили им шестеро братьев, составлявшие совет директоров. Много лет назад, еще в 1907 году, они купили цирк «Барнум и Бейли» и таким способом вдохнули в предприятие новые силы. Объединив два могущественных успешных цирка, они создали великолепную труппу, включающую тысячу триста сотрудников, более восьмисот животных, сто пятьдесят два фургона и поезд с пятьюдесятью девятью вагонами. Куда бы ни взглянул Николас, повсюду расхаживали люди в причудливых одеждах: девушки и девочки в балетных пачках, мужчины в обтягивающих гимнастических костюмах. Лукас с особым интересом смотрел на группу клоунов: они шли куда-то, оживленно беседуя, а следом бежали собаки различных размеров и пород, наряженные в забавные костюмы.

– Лошадей у нас много – больше, чем других животных, однако ваши липицианы станут единственными представителями этой породы во всей стране, – пояснил Джо. Николас внимательно огляделся и увидел, что на площади расположилось не меньше десяти-двенадцати различных цирковых шатров – такое количество трудно было представить.

– Вот это да! Целый город! – тихо присвистнул Тобиас. Отец испытывал точно такое же чувство. Казалось, потеряться здесь ничего не стоит. Лукас возбужденно подпрыгивал на месте: ему не терпелось познакомиться с клоунами.

– Не спеши, скоро узнаешь всех, – успокоил Джо. – К тому же у нас здесь множество детей, так что найдешь с кем подружиться. Во время гастролей все наши дети учатся вместе, а в Сарасоте каждый выбирает для себя городскую школу по вкусу: если бы все пошли в одну, нагрузка оказалась бы чрезмерной. Вам, мальчики, тоже предстоит начать занятия. – Внезапно выяснилось, что цирк – это самое настоящее сообщество, с нормальными семьями и обычными человеческими заботами, а не скопление странных персонажей.

– В этом году мы рано вернулись на зимовку. – Джо охотно продолжал свой рассказ. – Актерская забастовка застопорила работу почти до июля, поэтому гастролы закончились раньше, чем предполагалось, хотя мы и дали несколько дополнительных представлений на Среднем Западе. – Для Николаса и его сыновей отклонение от обычного графика оказалось огромной удачей, ведь к моменту их приезда цирк находился в стационаре. – Думаю, что и весной тронемся в путь позже обычного, так что в вашем распоряжении вполне достаточно

времени, чтобы устроиться на новом месте и тщательно отрепетировать номер перед началом представлений. Обычно тур начинается в феврале-марте, а в этом году первое выступление состоится только в начале апреля в Нью-Йорке.

Джо достал из кармана бумагу, выяснил номер их жилого автоприцепа и по карте определил местоположение на огромной стоянке. Он подрулил ближе, и выяснилось, что трейлер очень длинный, хотя и не слишком широкий. Внутри он напоминал дешевый гостиничный номер, но в то же время располагал всем необходимым.

У Николаса перехватило дыхание. Это их новый дом, а ему еще никогда не доводилось видеть ничего подобного: жилище состояло из двух крошечных спален и миниатюрной кухни. Гараж для его «дюзенберга» и то выглядел просторнее, однако разочарование следовало тщательно скрывать. Мальчики тут же исследовали комнаты. Лукас казался вполне довольным и спешил познакомиться с детьми, которые как раз проходили мимо: они вернулись из школ на нескольких автобусах. Тобиас рухнул на единственный диван с видом полного изнеможения и потрясения. Все вокруг блестело чистотой и новизной, однако никто из них не предполагал, что люди живут в подобных условиях. Впрочем, Николас тут же напомнил себе, что в концентрационном лагере было бы значительно хуже. А если бы их выдворили из собственного поместья как евреев, куда бы они пошли?

– Для лошадей мы поставили шатер неподалеку отсюда, – сообщил Джо. – Во Флориде тепло, так что не замерзнут. А во время переездов у них будет собственный прицеп. Ваш контейнер можно оставлять здесь или перевозить на поезде.

Николас кивнул. Новая обстановка, а главное, крошечный трейлер – роскошь по местным понятиям – окончательно ошеломили. Обе спальни были размером с кровать. Новое место обитания разительно отличалось от всего, к чему они привыкли в жизни. Тобиас с трудом сдерживал рыдания, потому что знал: если старший брат расплачется, Лукас ужасно расстроится. Николас тревожился об обоих и ради сыновей старался делать вид, что вполне доволен. Он попросил Джо проводить к лошадям, чтобы обустроить их быт, и позвал с собой мальчиков, зная, что работа поможет отвлечься.

– Мистер Нортон хочет побеседовать с вами сегодня в четыре. Я провожу к нему. А завтра в десять утра у вас репетиция, на которой он собирается присутствовать, – предупредил Джо Херлихай и великодушно добавил: – Ваш номер очень для нас важен. Директор непременно смотрит все новые аттракционы и особенно любит лошадей, так что в успехе не сомневаюсь. Мистер Нортон – опытный коннозаводчик и особенно интересуется липицианами.

– Надеюсь, наше представление ему понравится, – неопределенно ответил Николас. Пока что он не мог понять, как ориентироваться в бесконечном лабиринте автоприцепов, шатров, рабочих, артистов и прочих непонятных фигур, переполняющих этот суетливый муравейник. В жизни не доводилось видеть столько людей в одном месте. Впрочем, мальчикам оживление явно нравилось. Тобиас засмотрелся на стайку девушек в блестящих балетных костюмах – симпатичных, с прекрасными фигурами. Что ж, может быть, зрелище немного его воодушевит. Николас неожиданно заскучал по Моник: ей этот мир хотя бы знаком. Он же чувствовал себя так, словно неожиданно попал на чужую планету, где все выглядело иначе. Даже тропический пейзаж разительно отличался от привычного, и было очень тепло.

Джо показал, где находится общая столовая. При желании там можно было покупать еду. Конечно, ничто не мешало готовить самим, в своем трейлере, вот только никто из них не знал, как это делается. Николас не стоял у плиты ни разу в жизни, а теперь предстояло срочно освоить хотя бы азы кулинарии, чтобы кормить сыновей. Ходить в переполненную столовую три раза в день очень утомительно. Уже сейчас стало ясно, что здесь не будет хватать главного условия спокойной жизни: уединения. Множество людей ютились в невероятной

тесноте, практически на головах друг у друга. Трейлеры стояли на расстоянии вытянутой руки. Рассчитывать на тишину здесь вряд имело смысл, а о неприкосновенности семейной жизни не стоило даже мечтать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.